

Джанни Родари

ГОНДОЛА-ПРИЗРАК

 CLEVER
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Джанни Родари — великий итальянский писатель,
чьи добрые, мудрые и остроумные истории
с удовольствием читают и взрослые, и дети во всём мире.

«Гондола-призрак» — это волшебное путешествие
в Венецию XVII века. Благодаря таланту Джанни Родари
вы будто своими глазами увидите этот сказочный город,
проплывёте на таинственной гондоле, попадёте в плен
к пиратам, поможете капитану Тарталье спасти его корабль
и переживёте множество других захватывающих
приключений. А наши страноведческие сноски
расскажут вам много любопытных фактов
об Италии. Итак, скорее в путь!

СЕМЕЙНОЕ
ЧТЕНИЕ

ЧИТАЮ САМ

www.clever-media.ru

9 785919 821717

УДК 84(3)
ББК Р60 (га)
2-4

Литературно-художественное издание

Перевод и примечания *Михаила Визеля*

Родари, Джанни

Джанни Родари. Гондола-призрак. — М.: Клевер-Медиа-Групп. — 128 с.: ил., 2013. — (*Моя первая библиотека*)

Перевод с итальянского языка *Михаила Визеля*
Художественное оформление *Марины Рудько*

Оригинальное название *La gondola fantasma*
© 1980, Maria Ferretti Rodari and Paola Rodari, Italy
© 1991, Edizioni EL S.r.l., Trieste Italy

ISBN 978-5-91982-171-7

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2013

Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 2828.

Издательство Clever

Генеральный директор
Александр Альперович

Главный редактор
Елена Измайлова

Арт-директор *Лилу Рами*

Младший редактор
Ирина Данэльян

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Ульяновский Дом Печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ООО «Клевер-Медиа-Групп»
115054 г. Москва, Пятницкая 71/5, стр. 2

www.clever-media.ru

clever-media-ru.livejournal.com

facebook.com/cleverbook.org

vk.com/clever_media_group

[@cleverbook](https://twitter.com/cleverbook)

Книги – наш хлѣбъ

Мы создаем мир идей
для счастья детей и взрослых

Джанни Родари

ГОНДОЛА-
ПРИЗРАК

Глава первая,

начинающаяся у Моста Вздохов

Шёл год тысяча шестьсот с небольшим, да шёл так быстро, что почти весь вышел: приближалась рождественская ночь, и худому мрачному пареньку, одиноко бредущему под венецианскими балконами, это было прекрасно известно.

«Ну, вот и Рождество, — думал Арлекин, уставившись в воду, чёрную, как его мысли. — А значит, быть мне сегодня ещё голоднее, чем обычно. Мой живот — настоящий календарь: в праздники урчит пуще, чем в будни!»

Весь день он провёл на площади Сан-Марко*, гоняясь за голубями. Арлекину казалось, что они просто созданы для его рождественского жаркого. Но голуби считали

* Площадь Сан-Марко (Святого Марка) — не просто главная площадь Венеции, но и единственная из венецианских площадей, которая так и называется — «площадь» (пьяцца). Все прочие площади города носят название «кампо», то есть «поле», потому что на них действительно выращивали овощи.

иначе. Едва парень появлялся на площади, по ней проносился птичий клич:

— Осторожно! Снова этот голодай. Оставим ему пшено, чтобы не потерять головы!

И мигом вспархивали на крышу колокольни. Арлекин приседал, будто собирался завязать шнурок, и набивал карманы пшеном и рисовой сечкой, рассыпанными по брусчатке. Тогда вмешивались стражники, не желавшие, чтобы чужак из Бергамо жирел за счёт Венецианской республики, тратившей кучу денег на прокорм своих дорогих птичек.

— Эй, ты! — говорили они ему. — Шёл бы ты куда-нибудь ещё погулять, а?

И что ему оставалось? Только сердечно поблагодарить за дружеский совет.

— Какая прекрасная мысль, — отвечал он. — Как это она мне самому не приходила в голову? Вы, стражники, обо всех думаете.

Едва завидев спину Арлекина, голуби спустились обратно на площадь. Возможно, обсуждали между собой доброту стражников, выглядывшую подозрительно — так, самую малость.

Несчастному юноше ничего не оставалось, кроме как слоняться вдоль каналов, бормоча себе под нос проклятия в адрес невинных голубков, — как вдруг его внимание привлекло необычное зрелище. В знаменитый канал,

в котором отражался Мост Вздохов*, дрожащий, словно от ужаса, всплыла гондола. Саму по себе гондолу, конечно, трудно назвать «необычным зрелищем» в Венеции: здесь их тысячи. Каждая — с молодцом-гондольером, возвышающимся на корме, как мачта, разве что без паруса. Но на этой гондоле никто не грёб, она была пуста, как гроб без мертвеца. И при этом быстро скользила над водой, ведомая какой-то невидимой и неведомой силой.

«Ладно-ладно, — подумал Арлекин. — Наверное, это её рыбы тащат. Так, для собственного удовольствия».

— Молодой человек, — прошелестел голос у него за плечами. — Хотите заработать тысячу дукатов**?

* Самый знаменитый мост Венеции получил свое название от печального вздоха, который якобы испускал узник, переходя из Дворца Дожей, где ему выносили приговор, в тюрьму Пьомби (о которой будет много сказано дальше). Он был сооружен Антонио Контином в 1600–1603 годах.

** Дукат (ducato, от ducа — «правитель, дож») — венецианская золотая монета крупного достоинства. Появилась в XIII веке при доже Джованни Дандоло и вплоть до самого падения Венецианской республики в конце XVIII века оставалась одной из самых устойчивых валют Европы. Тысяча дукатов, которую сулят Арлекину, — сумма, на которую можно купить небольшой дом.

Арлекин ошарашено обернулся. Позади него возвышалась мужская фигура в маске и длинном чёрном плаще.

— Тысячу дукатов?

— Потом будете прикидывать, на что их потратите. А сейчас хватайте весло и везите меня следом за этой лодочкой.

Арлекин припустил вдоль канала и мигом прыгнул в чью-то гондолу. Загадочный заказчик последовал за ним, плюхнулся на носовое сиденье и снова зашелестел:

— Живей, соня.

Распутывая канат, которым гондола была привязана к вбитому в дно канала бревну, Арлекин вдруг подумал о том, что никогда раньше не управлял гондолами, более того, никогда в жизни их не воровал.

«Я, конечно, не гондольер. Но и не сумасшедший, чтобы в этом признаваться, — подумал он. — Поглядим, как оно пойдёт. Всё-таки тысяча дукатов на кону. А гондола? Ну, будем считать, что я её просто одолжил».

В это же самое время капитан Тарталья, командир судна «Святой Марк», перевозящего из стран Востока в Венецию и обратно дорогие пряности и драгоценные ткани, выходил в приятнейшем расположении духа из одного кабачка, в котором он имел долгую и содержательную беседу с судовым коком, на суше выполнявшим также обязанности его спутника и телохранителя. Нечего и говорить, что беседу оживляло немалое количество некоего напитка, производившегося в соседней Фриулии и широко известного под названием «Фриуланская живая вода»^{*}.

* «Живая вода» по-латыни звучит как «аквавита» (aqua-vita). Под этим названием в Средние века были известны крепкие спиртные напитки, потому что они «взбадривали» дух. Само слово «спирт», кстати, тоже происходит от латинского spiritus — «дух». Фриули — область Италии на побережье Адриатики, к северу от Венеции.

— Дж... Дж... Дж... — начал Тарталья. Видимо, чтобы не противоречить своему имени^{**}, особо искусным оратором он не слыл. Пока он старается закончить произносимое слово, я поспешу уведомить, что именно он силится выговорить:

** Тарталья — традиционный персонаж комедии дель Арте. Обычно — нотариус или, как в данном случае, капитан. Его имя обозначает по-итальянски просто «заика».

«Дженовеффа». История умалчивает, почему судовой кок был вынужден отзываться на столь странное имя*. Однако ничего не попишешь — имена не выбирают. Они — как бо-родавка на носу: есть и всё. Так что не смей-тесь над коком Дженовеффой, а принимайте его таким, ка-кой он есть.

— Дж... Дж... — продол-жал тем временем капитан Тарталья, вытягивая палец в сторону канала. Он хотел сказать: «Дженовеффа, чтоб мне ни одной капли живой воды в жизни больше не вы-

пить, если это не гондола-призрак. Взгляни, ради всех дельфинов Адриатики: она движется сама по себе, без помощи вёсел и парусов. Не иначе, гондола Харона**, который увозит души усопших в преисподнюю!»

Когда капитану Тарталье удалось, наконец, закончить свою речь, Дженовеффа догадался, что ему следует оборотиться в сторону ка-нала. Правда, всё, что он увидел, было обычной гон-дой. На корме,

* «Дженовеффа» — ита-льянский вариант француз-ского женского имени, более известного нам как «Жене-вьева». Почему корабельный кок носит женское имя, да еще и иностранное — дей-ствительно загадка.

** Капитан щеголяет клас-сическим образованием: Ха-рон — персонаж древнегрече-ской мифологии, паромщик, перевозящий души умерших через реку Стикс в Царство мертвых.

как и положено, возвышался гондольер — довольно неуклюжий, надо сказать, — а на носу сидел синьор в маске. Вне всякого сомнения, возвращавшийся с бала-маскарада. Никакой гондолы-призрака не было.

— Капитан, — посему и сказал верный кок. — Сдаётся мне, сотый стаканчик оказался лишним. Говорил же я, что девяноста девяти было вполне достаточно.

Капитан Тарталья собирался было запротестовать, но очередное соприкосновение головы со стеной выбило из неё странное видение.

Оставим до поры до времени двух этих достойных моряков добираться до своей гостиницы — если им это удастся, конечно. И перенесёмся на некоторое время назад. Готово? И где же мы оказались?

Глава вторая

«Султанова борода»

Мы оказались, судари мои, на борту «Султановой бороды» — пиратского судна, бороздящего Средиземное море, под командованием знаменитого корсара Али Бадалука*, находящегося в настоящий момент на капитанском мостике в роскошном арабском одеянии и дружелюбно беседующего с астрологом Омаром Бакуком.

* Заслышав слово «пират», сейчас мы в первую очередь вспоминаем пиратов Карибского моря, преимущественно англичан. Но на протяжении Средних веков грозой средиземноморского судоходства были пираты турецкого, арабского и персидского происхождения.

** После сокрушительного поражения оттоманского флота в битве при Лепанто (1571 г.) турецкие корсары присмирели. Так что, когда «Султанова борода» входит в Адриатическое море — «домашнее» море Венецианской республики, это и впрямь немалая дерзость.

Как раз этим утром «Султанова борода» вошла в воды Адриатики, бросая тем самым вызов венецианскому флоту**.

— Извольте ли видеть, мой господин, — говорил Омар Бакук, — звёзды

не обманули. Благоприятное сочетание Венеры и Сатурна, отмеченное и изученное мною по вашему повелению, позволило нам избежать неблагоприятного столкновения с кораблями Яснейшей республики*.

— Счастлив твой бог, — добродушно пробасил пират-гигант. И, не меняя любезного тона, добавил: — А то бы недо считаться тебе на правой руке ещё одного пальца.

— Полегче, мой господин, — ухмыльнулся астролог. — Эдак у меня на обеих руках и пяти пальцев не наберётся.

И действительно: на левой руке у него не хватало большого пальца и мизинца, на правой — указательного и безымянного пальцев.

Дело в том, что командир пиратского судна не принимал ни одного важного решения, не посоветовавшись со

* Официальное название Венецианской республики звучало как *La Repubblica Serenissima di Venezia*, то есть «Яснейшая республика Венеция». Словом «*serenissimo*» обозначалась в судебных журналах самая ясная погода, наиболее подходящая для мореходства.

звёздами. А если уж небесные светила вводили его в заблуждение, добрый Али Бадалук, не имея возможности дотянуться даже до ближайшего из них, чтобы отомстить, довольствовался тем, что отрубал палец астрологу.

Но корсар не принял в расчёт изворотливости Омара Бакука. Понеся впервые такое наказание и рассматривая левую руку, лишённую мизинца, астролог сказал себе: «Милый мой, представь, что ты предсказал ясную погоду на ближайшие две недели, а через четверть часа увидишь надвигающийся циклон, — как ты поступишь? Сам понесёшь капитану ножницы или топорик? Подумай, Омар: коль скоро Аллах не снабдил тебя запасными пальцами и в Коране нет ни слова о том, как их отращивать заново, лучше тебе положиться на собственную смекалку».

И, рассудив так, Омар Бакук заказал искусному мастеру в Багдаде пару превосходных искусственных рук и носил их, надставляя поверх тех, которыми снабдил его Аллах.

Ещё трижды после того раза звёзды насмеялись над астрологом, но теперь он встречал их шутки во всеоружии, и топорик Али Бадалука безжалостно отсекал накладные пальцы,

наполненные пурпурной жидкостью, которая в надлежащий момент яростно брызгала.

— Экая у тебя кровь красная! — восхищался Али Бадалук, вытирая топорик после очередной экзекуции.

Омар Бакук, делая вид, что он страдает от ужасной боли, стонал в ответ:

— Вознесём хвалу Аллаху, мой господин!

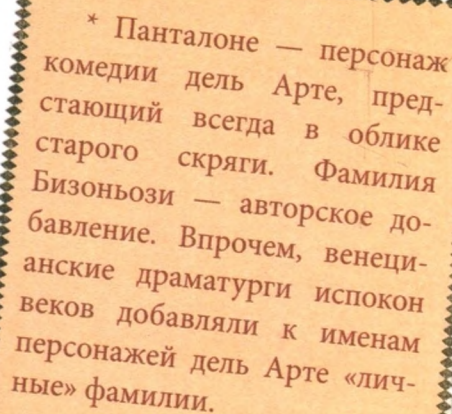
Но сам при этом мысленно возносил хвалы мастеру из Багдада и собственной находчивости.

Вернёмся же на мостик «Султановой бороды» и попробуем выяснить, о чём секретничают капитан с астрологом.

— Звёзды не подкачали, — бормотал Али Бадалук. — Теперь осталось, чтобы не подкачал этот чёртов купец из Венеции, как бишь его...

— Панталоне дей Бизоньози*...

— Вот-вот. Посмотрим, выполнит ли он обещанное. Мне пришлось вручить ему тысячу дукатов задатка, скряге этакому. А теперь — ещё два

* Панталоне — персонаж комедии дель Арте, предстающий всегда в облике старого скряги. Фамилия Бизоньози — авторское добавление. Впрочем, венецианские драматурги испокон веков добавляли к именам персонажей дель Арте «личные» фамилии.

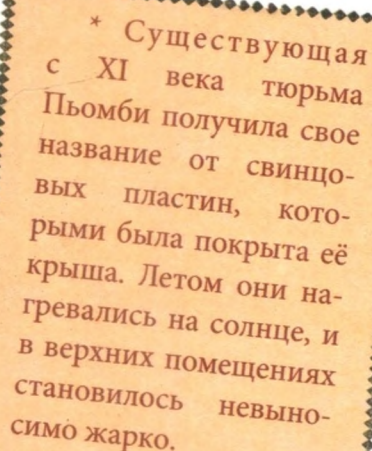
раза по тысяче. Но только если этой ночью Мустафа, благородный сын благороднейшего халифа багдадского, выберется из Пьомби.

— Увы, увy, и ещё раз увy, мой господин! Всем известно, что нет на свете тюрьмы ужаснее венецианской Пьомби*. Страшно даже представить, как настрадался благородный Мустафа за эти два года...

— Панталоне меня заверял, что ему удалось подкупить старшего тюремщика, чтобы тот помог ему ускользнуть. А сам он потом на гондоле вывезет Мустафу за пределы венецианской лагуны, где должен получить в обмен на пленника остаток вознаграждения.

— Должен, мой господин?

— Должен, да. В противном случае, — продолжал капитан своим обычным дружелюбным голосом, — получит пару цепей на запястья и место в самом тёмном углу моего трюма. И если захочет вернуться в Венецию с обеими руками, прикреплёнными к плечам,

* Существующая с XI века тюрьма Пьомби получила свое название от свинцовых пластин, которыми была покрыта её крыша. Летом они нагревались на солнце, и в верхних помещениях становилось невыносимо жарко.

ему придётся заплатить пять раз по тысяче золотых цехинов, которые он впустую растратил*!

Теперь, познакомившись с этими двумя примечательными личностями, столь важными для нашей истории, и уразумев, зачем пиратский корабль на всех парусах несётся к Венеции, мы можем снова перескочить вперёд — на гондолу, в которой Арлекин и незнакомец в маске преследуют призрачную гондолу.

* Цехин (zecchino) — другое название дуката, происходящее от слова «zessa» — «монетный двор».

Глава третья,

в которой тайна гондолы запутывается ещё больше

Погоня длилась уже несколько часов. Всё это время Арлекин, продолжая усердно грести, тщетно пытался объяснить себе загадку гондолы, которая, хотя и была пуста как миска, вылизанная голодным псом, быстро двигалась вперёд, ловко вписываясь в паутину венецианских каналов, набережных и мостков. Утомившись от напрасных дум, он заключил: «Не иначе, сам дьявол её волочёт. Мессер Вельзевул*, пожалуйста, не так шибко. Эта гребля начинает мне докучать».

В этот момент гондола без гондольера резко завернула в просвет между двумя дворцами, да так неожиданно, что Арлекин не сумел на полной скорости повторить этот манёвр, и его лодочка проскочила добрый десяток метров вперёд.

* Вельзевул — один из демонов, подручных Сатаны. Занимает важное место в заклинаниях и обрядах средневековых колдунов и чернокнижников.

— Стой, куда! — взвизгнул маскированный господин. — Поворачивай назад, болван! Если упустишь, получишь от меня не тысячу дука-тов, а тысячу оплеух!

Арлекин попытался было нагнать преследуемую гондолу по маленькому боковому каналу, но тот оказался глухим, так что ему пришлось возвращаться обратно и потом уже углубиться в нужный канал — до того тёмный и вонючий, что казался проходом в ад. И вот она — гондола-призрак! Покачивается спокойно на волнах, в пятидесяти метрах перед ними.

Арлекин настиг её несколькими мощными гребками. Синьор Маска (а именно так, да будет вам известно, надлежит в Венеции обращаться к любому маскированному человеку, без различия в возрасте и звании)* придиричиво осмотрел её спереди, сзади и даже снизу, для чего зажёг оказавшийся при нём фонарь.

— Она? —
уточнил Арлекин.

* В XVI–XVIII веках карнавалы в Венеции длились в общей сложности более полугода. В это время все ходили в масках, официально «не узнавая» друг друга, и только по богатому или бедному костюму можно было различить, где патриций, а где слуга. Современный венецианский писатель Тициано Скарпа объясняет этот непостижимый для нас обычай тем, что Венеция — очень маленький и скученный город, все жители которого постоянно на виду друг у друга, так что маска была единственным способом укрыться от взглядов соседей.

— Она-она, чтоб тебя. Я прекрасно узнаю эту гондолу по той простой причине, что она моя собственная. Но его здесь уже нет.

— Кого? Мессера Вельзевула?

— Не суй нос не в свои дела. Довольно тебе и того, что по твоей милости я лишился сейчас по меньшей мере двадцати тысяч цехинов.

Разрыдавшись, незнакомец сорвал маску и принялся яростно топтать её ногами.

— Ах ты, батюшки! — ахнул Арлекин. — Синьор Панталоне! Что ж, добро, не буду совать нос в ваши дела. Заплатите по уговору, и я займусь своими.

— По уговору? Палкой по спине я тебе сейчас заплачу! Если бы ты не ошибся поворотом, он бы от нас не ускользнул!

— Да кто же он таков?

— Мустафа! Али Мустафа, сын багдадского халифа!

— Вон оно как. Я этого господина не знаю. А вот вас знаю прекрасно — и уж вы-то от меня не ускользнёте, богом клянусь! Я буду ходить за вами как тень, пока вы не заплатите то, что обещали.

Внимательный читатель может здесь задаться вопросом, почему это Панталоне толкует о двадцати тысячах золотых цехинов, а

не о двух? Терпение: эта тайна тоже будет разрешена в ходе нашего повествования. Пока же я замечу только, что Панталоне и в мыслях не имел передавать Али Бадалуку сына багдадского халифа и уже встречался по этому вопросу с капитаном Тартальей. А ещё добавлю, что он в сердцах раскрыл Арлекину все свои планы.

Глава четвёртая,

в которой Арлекин начинает кое-что понимать

- **Н**у что ты ходишь за мной как побитый пёс? Из-за тебя сорвалась самая крупная сделка в моей жизни, так что ты теперь не дождёшься от меня ни гроша!

Так ворчал Панталоне, но Арлекин продолжал идти за ним, повесив голову. И напрасно: когда он всё-таки поднял её, то еле успел заметить, как купец зашёл в дверь дома, и дверь за ним захлопнулась.

— Что ж, подождём снаружи, — заметил наш герой, устраиваясь на ступеньках у порога.

Это оказалось довольно неудобно, а кроме того, дождь, словно дождавшись сигнала, припустил уже всерьёз*.

Арлекин снова встал, обошёл дом и увидел, что свет в кухне не погашен.

* Венеция — южный город. Даже в декабре температура в нём редко опускается ниже нуля. Но из-за большой влажности холод пронизывает насквозь, так что Арлекину можно почувствовать.

«Коломбина ещё на ногах! Попрошу-ка у неё чашечку кофе».

Он постучал в окно. Свет в нём немедленно погас. Арлекин снова постучал, приговаривая при этом:

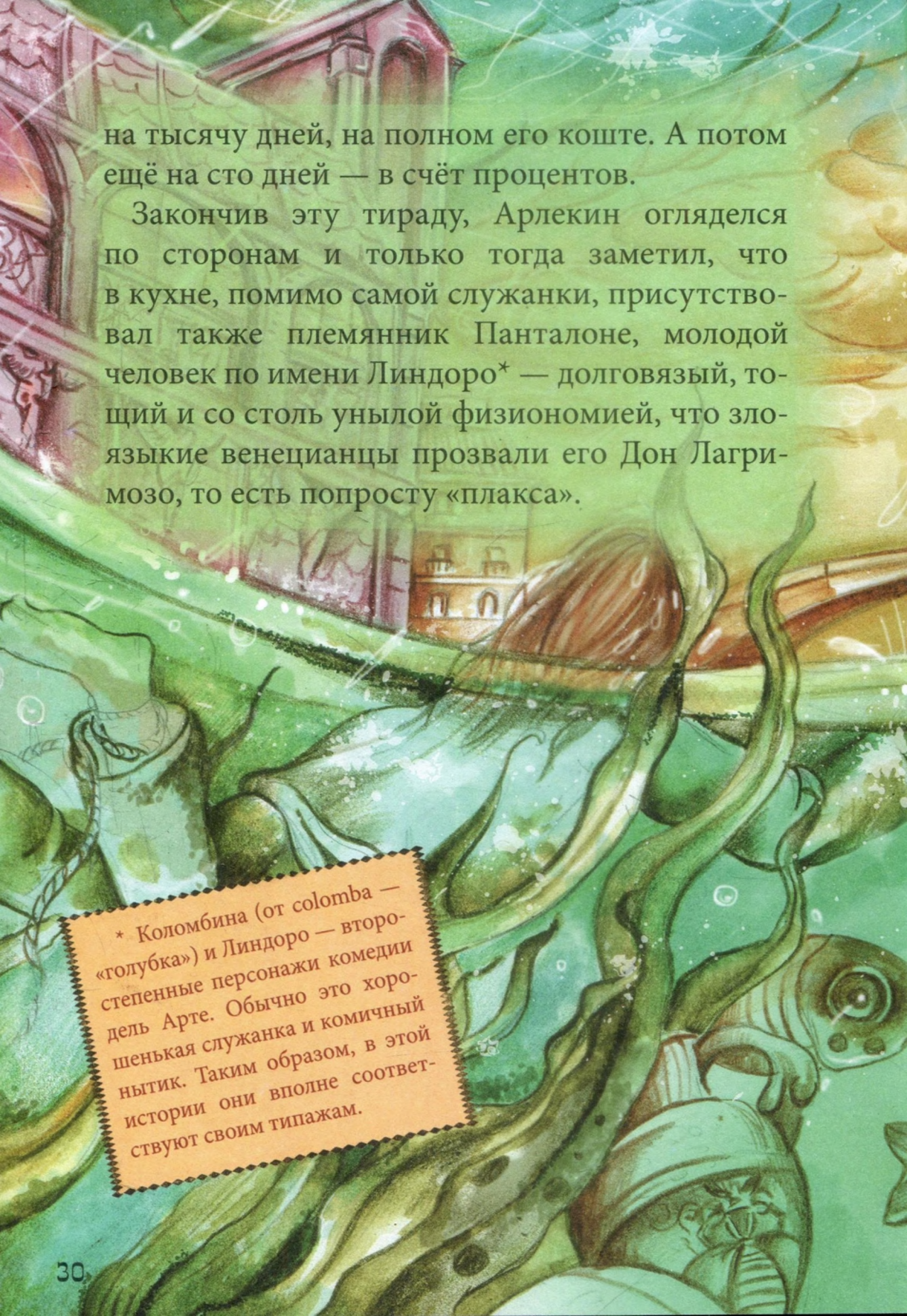
— Отвори, Коломбина, дай мне войти! Я вымок, как гондола!

Несколько мгновений всё было тихо. Потом в кухне снова зажёгся свет, и дверь немножко приотворилась. Арлекин немедленно просунул в щель свою голову, памятуя о старой поговорке: «Где пролезет голова, пролезет и всё остальное».

— Что за манеры! — возмутилась Коломбина. — Я и не думала тебя приглашать.

— И напрасно. Потому что я уже здесь и с места не сдвинусь. Твой хозяин задолжал мне тысячу цехинов, и если не заплатит, я останусь здесь

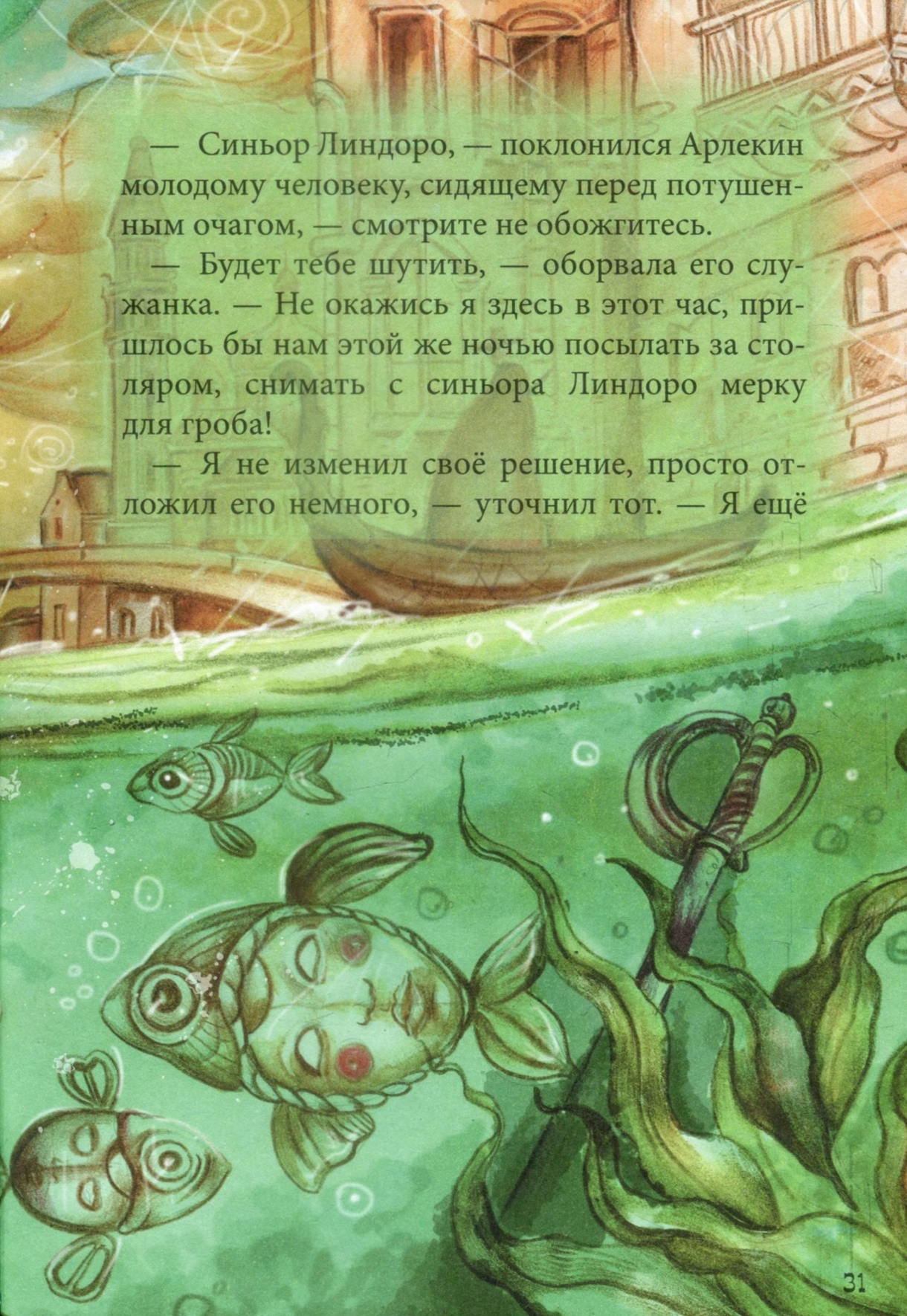

на тысячу дней, на полном его коште. А потом ещё на сто дней — в счёт процентов.

Закончив эту тираду, Арлекин огляделся по сторонам и только тогда заметил, что в кухне, помимо самой служанки, присутствовал также племянник Панталоне, молодой человек по имени Линдоро* — долговязый, тощий и со столь унылой физиономией, что злоязыкие венецианцы прозвали его Дон Лагримозо, то есть попросту «плакса».

* Коломбина (от colomba — «голубка») и Линдоро — второстепенные персонажи комедии Арте. Обычно это хорошенькая служанка и комичный нытик. Таким образом, в этой истории они вполне соответствуют своим типажам.

The illustration is a watercolor-style scene. The top half shows a coastal town with buildings and a balcony. A large wooden boat is docked in the water. The bottom half is an underwater scene with greenish water, bubbles, and several fish. One large fish in the center has a human face with closed eyes and red lips. To its right, a sword with a curved blade and a handle is stuck in a large green seaweed-like plant. Other smaller fish are visible in the background.

— Синьор Линдоро, — поклонился Арлекин молодому человеку, сидящему перед потушенным очагом, — смотрите не обожгитесь.

— Будет тебе шутить, — оборвала его служанка. — Не окажись я здесь в этот час, пришлось бы нам этой же ночью посылать за столяром, снимать с синьора Линдоро мерку для гроба!

— Я не изменил своё решение, просто отложил его немного, — уточнил тот. — Я ещё

не решил, ради чего мне стоит оставаться жить на белом свете!

— Вот именно, — кивнула Коломбина. — Он устал от скупости своего дядюшки Панталоне, который не хочет послать его в Болонский университет*. Поэтому и решил броситься в канал. Но я побежала за ним и не позволила наделать глупостей.

— Вернее будет сказать, — снова встрял Линдоро, — что меня тронул вид этого несчастного, который барахтался в воде. От одного его вида я почувствовал, как заболеваю. Так что пришлось мне

протянуть ему руку и вытащить на берег.

В голове у Арлекина вдруг словно зажглась люстра на тысячу свечей чистейшего воска**.

— Барахтался? Барахтался, вы сказали?

— Незачем тебе было это знать, — ответила вместо Линдоро Коломбина. — Но раз уж ты слышал, расскажу по порядку, как дело было.

Покамест я убеждала бедного синьора Линдоро, что незачем давать дорогому дядюшке

* Болонский университет — старейший в Европе (основан в 1088 году). Существует по настоящее время и по-прежнему держит марку в области гуманитарных наук.

** То есть самых дорогих, горящих ярким и чистым светом без копоти (в отличие от сальных свечей).

удовольствие видеть его мёртвым, знаешь, что я увидела на берегу канала? Беднягу, из последних сил цепляющегося за гондолу и готового уже захлебнуться. Мы едва успели его спасти.

— И где он сейчас? — спросил Арлекин, непроизвольно прижимая обе руки к сердцу, чтобы не так сильно билось.

— Да здесь, внутри, — ответил Линдоро, указывая на деревянный сундук. — Мы спрятали его сюда, когда услышали, что дядя вернулся. Но он, по счастью, сразу поднялся наверх, в свою комнату.

Арлекин сделал пируэт и с размаху уселся на сундук.

— Что это на тебя нашло? — удивилась Коломбина.

— Что на меня нашло? Вы хотите знать, что на меня нашло? Так знайте же, что в этом сундуке я нашёл, по меньшей мере, две тысячи золотых цехинов!

— Не говори глупостей. Там просто бедняга, который едва не окочурился и до сих пор не пришёл в себя. Подними-ка лучше крышку, самое время дать ему капельку граппы*.

— Так вы мне не верите? Знайте же, что нынче вечером синьор Панталоне, по поручению пирата Али Бадалука,

* Граппа —
виноградная
водка.

помог сбежать из венецианской тюрьмы Пьомби сыну багдадского халифа. Которого ему полагалось отвезти в открытое море и передать пиратам. Но жадность подсказала ему другой план: послать пиратов ко всем чертям и самому отвезти беглеца в Багдад, чтобы получить от халифа куда большее вознаграждение. Он указал бедному парню дорогу до своего дома, велел проделать весь путь по воде, держась за бортик гондолы, чтобы его не заметили стражники Дворца Дожей, к которому, как вам прекрасно известно, и примыкает тюрьма Пьомби. Мы же следовали за ним в некотором отдалении, пока перед самым домом не потеряли случайно из виду. Панталоне пришёл в ярость: он уверен, что пленник снова попался в чужие руки. А он, — заключил Арлекин, стуча по крышке сундука, — попал прямёхонько в наши руки. Чтобы сделать нас троих богачами!

Видимо, от восторга стучал он довольно сильно. Потому что из-под крышки послышался тяжёлый стон. Арлекин вскочил, будто его снизу кольнули, откинул крышку и поднёс свечу.

— Смотрите, — провозгласил он, — что это, по-вашему, за одеяние?

— Святые угодники, — прошептал Линдоро. — Это роба заключённого!

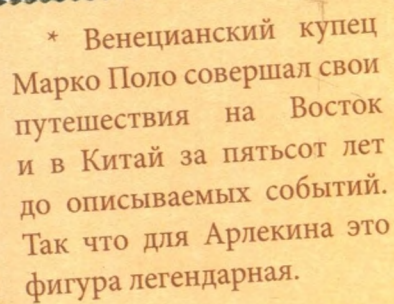
— Теперь верите?

— Это он! Точно он!

— Пусть придёт в себя и расскажет сам обо всём по порядку. А пока, — продолжил Арлекин, снова захлопывая крышку, — вот вам мой план. Завтра утром «Святой Марк» отправляется в Сирию. Я некогда служил на этом корабле поварёнком, так что знаком с его капитаном Тартальей и могу с ним поговорить, если он не будет слишком пьян, конечно. Расскажу ему, что мы хотим искать счастья на Востоке, как некогда мессер Марко Поло*, и что мы заплатим ему за путешествие на обратном пути. Уверен, он нам не откажет.

— А если он догадается, что с нами едет сын халифа? По смуглой коже, по иноземному выговору он сразу заметит, что это не венецианец.

— Ничего он не заметит и не догадается, — ответил Арлекин. — Потому что сын халифа багдадского так и будет путешествовать в этом сундуке. Он будет нашим

* Венецианский купец Марко Поло совершал свои путешествия на Восток и в Китай за пятьсот лет до описываемых событий. Так что для Арлекина это фигура легендарная.

багажом. Будем носить ему еду из нашей каюты и выводить по ночам дышать свежим воздухом. А ему скажем, что только так можно ускользнуть от стражников. Вот увидите, он с радостью будет нам во всём повиноваться, а по прибытии на место сам представит нас своему батюшке халифу и уговорит его щедро нас вознаградить.

— Вашими бы устами... — проворчала Коломбина. — Только сомнительно мне всё это. И вот что я вам скажу, господа хорошие: я из Венеции ни ногой. У меня сразу морская болезнь приключается и вообще никакого удовольствия. Так что я остаюсь.

Глава пятая,

в которой «Святой Марк» поднимает паруса

На следующее утро на капитанском мостике «Святого Марка» Тарталья предлагал титанические усилия, чтобы распорядиться отплытием своего судна.

— По... По...

Он хотел скомандовать: «Поднять якоря!», но матросы никак не могли этого уразуметь.

— Погода? — переспрашивали они.

— Нет! По... По...

— Помидоры? Попугаи?

Когда Тарталье удалось, наконец, выговорить свой приказ полностью, судно пересекало венецианскую лагуну, ибо моряки прекрасно знали своё дело и без всяких приказов. Капитан Тарталья отёр пот со лба и сказал сам себе: «Ладно, отчалили мы без приключений. Надеюсь, причалим так же гладко. Не нравятся мне эти два странных пассажира. Арлекин и Линдоро, хочу я сказать. Обещали мне заплатить

по прибытии тысячу дука-
тов. Оно, конечно, деньги
хорошие, да вот только мне
прекрасно известно, что
у них целого дуката на двоих
не бывало. Ну, ничего, коли
не заплатят, так запродам их
в рабство туркам и ничего
не потеряю. Меня больше
другое интересует: что это
они везут в таком огромном
сундуке? Драгоценности?
Шелка с парчою? Краденый
товар, чует моё сердце...
Велю-ка я моему верному
Хлебожюю глаз с них не спу-
скасть».

Пусть вас не удивляет,
что капитан Тарталья про-
изнёс столь длинную речь
без единой запинки. Ведь он
произносил её мысленно,
а мысли у него всегда текли
весьма связно. И вообще,
есть такие люди, которые
медленно говорят, но бы-
стро думают, а есть такие,

которые выстреливают слова быстрее, чем пулемёт, а мысли у них ворочаются медленнее, чем улитка ползёт. И что, спрашивается, лучше?

Пока вы размышляете над этим вопросом, позвольте представить вам юнгу Хлебожуй, самого молодого члена экипажа. Этот худющий дылда был вечно голодным и поэтому носился по судну, не выпуская из рук огромный ломоть хлеба, который сосредоточенно жевал, — откуда, как вы уже поняли, и получил своё прозвище.

— Эй, Хлебожуй, — смеялись моряки, — куда, скажи на милость, проваливается весь этот хлеб? Ты вечно худой как ящерица!

Хлебожуй вместо ответа прикоснулся пальцем к голове, словно желая сказать: «Всё идёт в мозги!»

И правда: мозги у него были вечно в движении.

Когда Тарталья жестом подозвал его на капитанский мостик, тот сразу понял, что капитан хочет сказать ему о чём-то очень важном.

— Х... Х...

— Хлебожуй, — любезно подсказал поименованный, отправляя в рот кусок, которым можно было бы накормить быка.

— Вы... Вы... Выясни, что...

— Я понял, капитан: «Выясни, что везут в своём огромном сундуке два венецианских купца».

— Мо...

— Спасибо, — прервал юнга. — Знаю, что молодец. Потому что я уже это выяснил. Они везут там тело.

— Т?..

— Мёртвое тело. Я сам помогал занести сундук на борт, и пока синьоры располагались в каюте, приподнял крышку и видел его собственными глазами.

Тарталья стукнул кулаком по столу. Гнев переполнил его до такой степени, что слова хлынули наружу безо всякой запинки, как косяк сардин через дырку в сети:

— Ах они проклятущие! Превратили мой корабль в мертвецкую! Вот так «купцы»! Да это же настоящие убийцы! А кстати, убитый — он-то кто таков?..

— Я бы у него охотно спросил, — сказал Хлебожуй. — Только вот сомневаюсь, что он ответит.

«Долг велит мне арестовать обоих злодеев, посадить в шлюпку и отправить обратно в Венецию, — быстро рассудил Тарталья. — Вместе

с покойником, разумеется. И немедленно, сию минуту, пока мы ещё не отплыли далеко».

Капитан не стал тратить время на то, чтобы довести своё распоряжение до Хлебожуя, а просто взял юнгу за локоть и потащил за собой с мостика. Тот послушно пошёл за ним, не забыв запихнуть в рот очередной огромный кус хлеба. Но мы не последуем его примеру, а перенесёмся, ради разнообразия, на борт «Султановой бороды», где беседа Али Бадалука и Омара Бакука как раз приняла оборот, неблагоприятный для последнего.

Глава шестая,

*в которой Омар Бакук рискует
лишиться ещё одного пальца*

— **Н**очь миновала, — говорил Али Бадалук, неторопливо поглаживая бороду, — а синьор Панталоне так и не появился. Излишне добавлять, что сын халифа также отсутствует. Совершенно очевидно, побег из Пьомби провалился, несмотря на то что звёзды прямо сказали вам обратное. Как вы объясните это удивительное явление, о почтеннейший Омар Бакук?

И в этот самый момент с мачты раздался крик вперёдсмотрящего:

— Слева по борту венецианское судно!

Али Бадалук немедленно вскочил на ноги, всмотрелся в указанном направлении и действительно увидел корабль, несущийся на раздутых парусах.

— «Святой Марк», — прошипел корсар сквозь стиснутые зубы. — Как же, как же,

знакомо нам это судно. Сколько раз я за ним гонялся, да всё без толку — уходило, проклятое! Но уж теперь врѣшь — не уйдѣшь! Вместо того чтобы ждать понапрасну синьора Панталоне с его высокородным пленником, зададим-ка лучше урок мессеру Тарталье.

Али Бадалук мигом скомандовал своим канонирам дать предупредительный бортовой залп. «Святой Марк» в ответ поднял дополнительные паруса, надеясь и на этот раз уйти от пиратов. Но Али Бадалук бросил свой корабль наперерез и через несколько часов погони, когда она шла уже на широте Анконы*, оба судна сошлись нос к носу.

Раззадоренные пираты столпились на шканцах «Султановой бороды», с нетерпением ожидая приказа «На абордаж!**»

Али Бадалук велел сделать ещё пару выстрелов. Но единственное, чего эти выстрелы достигли, — разбудили Арлекина и Линдоро,

* Анкона — приморский город в полуторасти морских милях южнее Венеции.

** Знаменитый пиратский клич происходит от слов «на борт» (a bordo).

которые спали в своей каюте как тутовые шелкопряды в коконе*.

— Кажется, гроза собирается, — произнёс Линдоро с видом знатока.

— Если это гром, то я — Зевс-громовержец, — проворчал Арлекин. — Это пушечная пальба, дорогой мой. Сдаётся мне, что Яснейшая республика обнаружила наши проделки и снарядила погоню.

Арлекин мигом оделся, проверил, плотно ли замкнут сундук с пленником, сунул ключи в карман и взлетел на палубу. Первым, с кем он там столкнулся, оказался Хлебожуй, силившийся запихнуть в рот десятую за это утро булку.

— Везёт же тебе, — буркнул Арлекин. — Нас собирается перехватить стража Республики, а ты знай себе перехватываешь одну булку за другой.

— Кто бы жаловался, — ответил Хлебожуй с полным ртом. — Мы с капитаном как раз собирались вас арестовывать, когда нелёгкая принесла «Султанову бороду».

— Что-что? Причём здесь «Султанова борода»?

* Упоминание шелкопрядов не случайно. Начиная с XIII века Венеция — главный центр шёлкового производства в Европе.

— А при том. Соболаговолите перевести свой взор на северо-восток и сами всё увидите.

Арлекин так и сделал и, убедившись, что по крайней мере венецианская полиция тут не замешана, испустил вздох облегчения.

— Радуйтесь-радуйтесь, — заметил Хлебожуй. — Убийцы и пираты всегда друг другу рады. Так и вижу: вы преподносите в дар Али Бадалуку своего покойника из сундука, а он в благодарность делает вас своим адъютантом.

Глава седьмая,

в которой, наконец, подаёт голос персонаж из сундука

Морское сражение между «Святым Марком» и «Султановой бородой» оказалось недолгим. В считанные минуты персидские корсары захватили венецианское судно. После чего перекинули на него широкие сходни, покрыли их драгоценным персидским ковром и выстроились по двум сторонам, вскинув кулаки в радостном жесте.

Наконец на мостках появился Али Бадалук. Высокий, вальяжный, он казался не пиратом, а учёным мужем, отправившимся на морскую прогулку. Позади него семенил Омар Бакук, то и дело забегавший то слева, то справа, чтобы убедиться, что сражение точно закончилось. Капитан Тарталья ждал их у грот-мачты. Вид у него был весьма мрачный. Возможно, он выбрал бы другое место для встречи со своим заклятым врагом, но это было не в его власти:

капитан был привязан к мачте множеством верёвок, что делало его похожим на толстую болонскую колбасу-мортаделлу*.

Али Бадалук вперил взгляд в поверженного врага, а потом отвесил ему издевательский поклон.

— Звёзды благоприятствовали мне, мой господин. А звёзд не слушаешься. С вашего позволения, мои мóлодцы сейчас перенесут ваш груз на моё судно. А потом, уж не обессудьте, я прикажу отрезать вам уши: левое скормлю рыбам, правое засушу на память.

Капитан Тарталья хранил молчание. Да и что он мог сказать? Сотни раз сталкивался он с пиратами, сотни раз отбивал их атаки, а порой переходил в атаку и сам, захватывая их суда и привозя в Венецию богатые трофеи. Так что на дружеское расположение Али Бадалука рассчитывать не приходилось.

В этот момент из открытого люка высунулась голова Арлекина и, разинув рот, проверещала:

— О сиятельнейший Али, да пребудет с тобой мир!

* Толщина настоящей болонской мортаделлы может достигать полуметра, так что автор не преувеличивает.

— Это ещё кто? — обернулся к своим людям Бадалук. — Почему он не связан?

— Я припас для тебя сюрприз, господин мой! — торопливо продолжал Арлекин.

— Вот и славно, — ответил Али. — Я очень люблю сюрпризы. И тоже припас для тебя кое-что. Знай же, что я продам тебя на невольничьем рынке в Багдаде. Сдаётся мне, я выручу за тебя хороший бакшиш. Взять его! — приказал он пиратам.

— Ваш-сиясь, — верещал Арлекин, извиваясь ужом в крепких пиратских руках. — Ваш-сиясь, уверяю вас, это судебная ошибка! Я ничего плохого не делал! У меня для вас новости о сыне сиятельнейшего халифа!

Бадалук схватил Арлекина за глотку и хорошенько встряхнул.

— Выкладывай всё, что знаешь! Но смотри мне: соврёшь — нос отрежу!

— В этом нет нужды, ваш-сиясь.

— Рассказывай же! Почему Панталоне не явился? Его предприятие сорвалось? Что вообще произошло?

— Ваш-сиясь, на все ваши вопросы у меня припасён единый ответ: царевич Мустафа находится здесь, на борту этого самого судна. Я сотню раз рисковал головой, чтобы его

спасти, и готов рисковать ещё хоть сотню раз, чтобы заслужить ваше благоволение.

— Коли ты не врѣшь, так будешь вознаграждён как должно. Но довольно болтать. Где он? Где сын халифа?

Через несколько минут из трюма «Святого Марка» на верхнюю палубу поднялась маленькая процессия. Во главе её шествовали Арлекин и Линдоро. Первый — с гордым видом, второй — с трясущимися от страха коленками. За ними четверо пиратов несли уже знакомый нам огромный сундук, который они стукнули об настил палубы перед Али Бадалуком.

— Что это ещё за тайны? — закричал командир «Султановой бороды», в ярости при топнув ногой.

Арлекин вместо ответа медленно вытащил из кармана ключи, показал их всем окружающим, осторожно вставил в замочную скважину, не торопясь повернул и с торжествующим видом откинул крышку.

Из глубины его послышался глубокий и протяжный зевок. Потом показались две руки, вытянувшиеся на всю свою длину. Затем — голова, туловище, обряженное в полосатую робу заключённого. Наконец пленник одним прыжком выскочил из сундука, огляделся

по сторонам, несколько раз потянулся, чтобы вернуть гибкость членам, подошёл к Хлебожю (который, даже будучи связанным, ухитрялся жевать булку) и сказал ему с характерным южным выговором:

— Малой, дай и мне палянички пожевать!

— И это, по-вашему, сын халифа багдадского??? — заметил Али Бадалук.

Ошеломлённый Арлекин дёрнул своего недавнего узника за руку с такой силой, словно хотел оторвать.

— Ты кто таков? Откуда взялся?

— Я-то кто таков? — отвечал странный незнакомец. — А как ты себе думаешь? Я Пульчинелла, к твоим услугам! Пульчинелла, сын Пульчинеллы, неаполитанец от макушки до пяток и в обраток*.

Раздался глухой стук. Это Арлекин упал на палубу без чувств.

* Пульчинелла — главный, наряду с Арлекином, персонаж комедии дель Арте. Он неаполитанец и говорит с сильнейшим южным акцентом. Его имя происходит от слова *pulce* — «блоха».

Глава восьмая,

*в которой Пульчинелла до известной степени
распутывает узлы*

Арлекин пришёл в себя почти мгновенно, но предпочёл полежать ещё с закрытыми глазами, воспользовавшись собственным же мудрым советом: «Прежде чем действовать, разберись сначала, что к чему».

Али Бадалуку разбираться было недосуг, и он просто скомандовал своим людям:

— Покончим с этим одним махом. Достаньте-ка свои ятаганы* и отрубите им головы, всем четверым.

— Почтеннейший капитан, — раздался голос Омара Бакука, столь сладкий, что всем показалось, будто в воздухе пахнуло мёдом, — а что если, прежде чем рубить голову Пульчинелле, выслушать его историю? Может быть, он

* Ятаган — большая изогнутая сабля, типичное турецкое оружие.

предоставит нам, наконец, столь необходимые сведения. А если он начнёт завираться, сабля сразу остановит поток его лживых речей.

— Ты говоришь, как Коран, — заметил Бадалук своему астрологу. Потом добавил: — Эй, ты! У тебя две минуты, чтобы объяснить нам, кто ты и как ты попал в сундук.

Эти слова, разумеется, были обращены к Пульчинелле. Тот не заставил повторять приглашение дважды и немедленно начал:

— Дамы и господа!..

Но был сразу же прерван Бадалуком:

— Э-э-э, давай-ка без вступлений. Переходи к сути.

— Как вам будет угодно-с, — ничуть не смутился Пульчинелла и, как ни в чём не бывало, продолжил, уснащая свою речь характерными для неаполитанцев старомодными словечками. — Так вот, повторяю, зовут меня Пульчинеллой, и родился я в Неаполе, вот уже двадцать пять годочков тому назад. Отец мой был богатым попрошайкой, и не просто «богатым», а самым богатым попрошайкой в Неаполе, поскольку он один обладал привилегией просить милостыню перед королевским дворцом*. Я очень им гордился и поэтому, едва войдя

* В то время Неаполь был столицей Неаполитанского королевства.

в сознательный возраст, задался целью распространить оное процветающее предприятие и внутрь царских покоев. По каковой причине на шестнадцатом году и был схвачен в хоромах великого канцлера за собиранием милостыни в виде золотых часов. Под тем предлогом, что в горнице в этот момент не было не только самого господина канцлера, но и вообще ни одной живой души, я был обвинён в обыкновеннейшем воровстве. Какая ужасная несправедливость! Ведь я собирался даже послать ему записочку со своими искренними благодарностями, подписанную по всем правилам! Но, увы, мне недостало на то времени, поскольку я был немедленно препровождён в тюрьму, в стенах которой в течение нескольких лет кряду мог предаваться размышлениям, причём компанию в этом утешительном занятии мне составляли учёная мышь да несколько пауков...

— Если твоя история не закончится через минуту, — рявкнул Бадалук, — нечем тебе больше будет размышлять! Мне дела нет до твоей биографии! Рассказывай, что знаешь про сына багдадского халифа!

— Человек редких достоинств, — без запинки подхватил Пульчинелла и отвесил поклон, как будто тот, о ком он говорил, стоял перед

ним. — Истинно благородная душа. Я имел честь знать его десять месяцев или около того в тюрьме Пьомби. Для меня это была уже восемьдесят пятая отсидка, а вот для его высочества — самая первая. И вот что я вам скажу, господа мои: ни разу за все мои тюремные университеты не попадался мне сокамерник столь любезный и чувствительный. Поверите ли, однажды его высочество никак не мог уснуть, потому что в подвале Пьомби плотник по небрежности не заколотил до конца гвоздь в лавку! Этот гвоздь торчал точно под его тюфяком, но ведь шестью этажами ниже!

— И чем же дело кончилось? — тревожно спросил Хлебожуй.

— Как бы вы думали? Его высочество умолил надзирателя отправиться в подвал и заколотить проклятый гвоздь, и только после этого уснул спокойно!

— Ты будешь, наконец, рассказывать толком или нет?!

— Фу ты, ну ты, какой сварливый! Обед сегодня, что ли, повар переперчил? Заканчиваю секунду! Как вам известно, синьор Панталоне подкупил тюремщика и спланировал побег сына халифа. План был таков: в рождественскую ночь тюремщик открывает камеру, беглец выскальзывается из неё, спускается в коридор третьего этажа, выводящий на Мост Вздохов, и выпрыгивает из окошка в канал, где его уже поджидает гондола. И план был полностью выполнен!

— Но где же в таком случае сын халифа?

— Ну и туги же вы на ухо, Везувием* клянись! В тюрьме, где же ещё!

— Но почему, во имя Магомета?

— Потому что он слишком хорошо воспитан, как я уже тщился вам растолковать. Прежде чем сбежать, он непременно хотел от-
дать визит коменданту

* Потухший вулкан Везувий расположен у Неаполитанского залива и является одной из главных его достопримечательностей.

Пьомби и поблагодарить его за гостеприимство. Вотще пытались мы убедить его, что последствия у подобной учтивости будут самые печальные. Он стоял на своём. «Я не могу уйти из дома, не попрощавшись с хозяином. Так поступают мужланы, а я благородный человек и останусь им при любых обстоятельствах». Так и сказал! После чего мне ничего не оставалось, как поинтересоваться, не возражает ли он, если я сбегу вместо него: я известен своей невоспитанностью и не обязан раскланиваться с начальством. Он любезно согласился, а тюремщик ничего не заметил. Так что я без помех выбрался на Мост Вздохов, открыл окошко и был таков. Внизу меня поджидала гондола, а в ней — листок с указаниями, куда плыть. Из осторожности я не стал забираться в гондолу, а поплыл рядом с ней, держась за борт как за спасательный круг. Но вдруг силы меня оставили. К тому же я, к ужасу своему, услышал, что меня кто-то преследует. И тут я лишился чувств. А когда пришёл в себя, то почувствовал, что заперт в ящике до того узком и тёмном, что решил поначалу, будто я в гробу. Но постепенно сообразил, что ящик этот всё-таки отличается фасончиком и его погружают на корабль. Тогда я уснул спокойно.

И проснулся от пушечной пальбы. Но как я погляжу, морское сражение не принесло никому особого ущерба. Надеюсь, то же можно будет сказать и о моей истории, которая здесь кончается.

Излишне говорить, что первым, кто обрёл дар речи и поспешил им воспользоваться, был астролог Омар Бакук.

— Сколь ни горестно мне в этом признаться, — провозгласил он, — но в рассказе этого мóлодца я сразу признаю величие души нашего царевича. Он скорее согласится умереть, чем нарушить правила хорошего тона.

— Но как же вытащить из тюрьмы столь учтивого юношу? — ошарашенно прошептал Али Бадалук. — Это же просто невозможно!

И тут-то Арлекин понял, что настал момент ему приходиться в себя.

— Возможно! — провозгласил он, указуя перстом в грудь астролога.

Глава девятая,

в которой снова появляется призрачная гондола

В ту самую ночь, когда Пульчинелла столь счастливо воспользовался подарком судьбы, чтобы ускользнуть из Пьомби, Мустафа был осчастливлен в своей камере визитом подкупленного тюремщика. Который, будучи убеждён, что в камере нет никого, кроме неаполитанского воришки, отвесил распротёртой на тюфяке фигуре пинок, от которого кит пробудился бы. Но, к величайшему своему смущению, в ответ на своё не слишком вежливое приветствие он услышал не проклятия на неаполитанском диалекте, а голос Мустафы, которому даже в этих обстоятельствах не изменила его вежливость:

— Приветствую тебя, добрый человек! Как хорошо, что ты меня разбудил, мне как раз привиделся ужасный сон. До сих пор дрожу, вспоминая его. Так что, дорогой друг, ещё раз — спасибо!

— Святой Марк, да что же это! — взвыл тюремщик. — Ваше высочество, вы?! Я же собственными руками час назад отпирал вам дверь и видел, как вы, с позволения сказать, так сиганули в канал, что у меня аж дух занялся...

— Всё верно, ты действительно отомкнул дверь, — улыбаясь, ответил сын халифа. — Как верно и то, что ты видел лихой прыжок. Но я изменил свои планы касательно побега. И уступил место моему товарищу по камере,

который в силу низкого происхождения ценит свободу больше хороших манер.

— Святой Марк, воля твоя, — ахнул тюремщик, прикладывая ладонь к груди, чтобы унять сердцебиение, — этому бездельнику Пульчинелле??? Он сбежал вместо вас?

— Ты сам сказал, добрый человек*.

Тюремщик застыл, словно никак не мог решить, что ему более подходит — умереть на месте от разрыва сердца

* Принятая на Востоке формула вежливого утвердительного ответа.

или бить тревогу. Но, в конце концов, решил обойтись и без того, и без другого.

«Помолчу-ка я, пожалуй, — подумал он. — Пусть мой сменщик обнаружит побег и предстанет перед очами разгневанного коменданта Пьомби. Через два часа конец моей смены, сейчас я просто тихонечко отсюда выйду, а потом уж меня здесь точно никто долго не увидит».

Сказано — сделано. Бравый тюремщик, как можно догадаться, не любил усложнять себе жизнь.

Но он упустил из виду, что его сменщик тоже не отличался боевым характером и не любил подвергать себя начальственному гневу. Обнаружив побег Пульчинеллы, он тоже решил промолчать и предоставить другим нести ответственность за поднятую тревогу.

«Навещу-ка я лучше своего тестя. Он из своей деревенской глуши всё меня приглашает да приглашает, а я всё никак не соберусь. А тревогу поднимать — нет уж, увольте, пусть лучше кто-нибудь другой об этом позаботится».

Через три дня комендант Пьомби по-прежнему пребывал в неведении, что такому закоренелому злодею, как Пульчинелла,

удалось ускользнуть. Другие заботы его донимали.

— Странно, — бормотал он, меряя шагами кабинет. — Ей-богу, странно. За последние три дня мои тюремщики стремительно убывают в числе. Один внезапно заболел, другой испросил разрешения навестить престарелых родителей, а третий вообще взял да умер, и его вдова пришла сообщить, что он не в состоянии больше выходить на службу. Как хотите, а есть тут какой-то душок нехороший.

И, словно действительно почуяв какой-то запах, он сильно втянул ноздрами воздух. Потом вытащил из кармана табакерку и угостился, одной за другой, семнадцатью добрыми понюшками*. После чего чихнул семнадцать раз подряд и с этого момента мысль о тюремщиках его больше не беспокоила.

А мы поспешим узнать, как поживают два других персонажа нашей повести, долгое время остававшиеся в небрежении.

— Панталоне и Коломбина! — воскликнет здесь памятливым читатель.

* Вплоть до конца XVIII века обычай нюхать мелко растолченный табак был гораздо более распространён, чем курить его.

Они самые — жадный хозяин и сметливая служанка.

Панталоне проводил дни в стенаниях о своей злой судьбине:

— Я потратил кучу денег, чтобы дать убежать сыну халифа. И он убежал — да так проворно, что я и след его потерял. А с ним — и возможность получить причитающееся вознаграждение, доставив его к отцу! Мой племянник Линдоро меня бросил. Моя служанка Коломбина знать ничего не знает, ведавать ничего не ведает. Тюремщик, которого я подкупил, тянет из меня деньги, угрожая донести в Совет Десяти. Все несчастья слетелись к этому дому, словно их магнитом к крыше притянуло. Как жить?!

Коломбина была лучше осведомлена, что случилось, но чтобы уберечь Линдоро от дядюшкиного гнева, сидела тихо, как наседка на яйцах. И только пыталась утешить своего хозяина.

— Синьор Панталоне, — говорила она. — Вы уже столько дней крошки во рту не держали. Не угодно ли, я зажарю цыплёнка в остром соусе? Уж такой он острый, чертям в аду жарко станет!

— Мне угодно, чтоб ты сама провалилась к чертям со своим соусом! — в ярости отвечал Панталоне.

— Полегче, полегче. Не хотите цыплёнка, давайте я настрогаю печень да зажарю её по-венециански*?

— Чтоб тебе печень настрогали да зажарили! Не нужны мне твои разносолы! Мне нужны мои деньги! Мне нужен сын халифа! Нужен Линдоро! Нужен Арлекин!

— Слишком вы многого хотите за раз, — рассудительно отвечала Коломбина.

Как-то вечером Панталоне вышел прогуляться вдоль канала, на котором стоял его дом. Погружённый в свои мысли, он не обращал внимания ни на холод, ни на сырость. Это было удобно — хотя, конечно, и грозило скорой простудой.

* «Печень по-венециански», то есть нарезанная длинными узкими полосками телячья печень в сливочном соусе, до сих пор остаётся одним из самых узнаваемых блюд венецианской кухни во всём мире.

Взойдя на очередной мост, он опёрся на перила и испустил тяжёлый вздох. Вода под ним своей чернотой навевала мысли о похоронах. И исходивший от неё запах кладбищенских цветов только усиливал впечатление.

Но вдруг Панталоне вздрогнул, будто за шиворот ему бросили сороконожку.

— Там... Там... — забормотал он, указывая пальцем вниз (видимо, себе самому, потому что вокруг больше не было ни души) на гондолу, которая быстро скользила по воде, приближаясь к мостику. У гондолы не было весла, да она в нём и не нуждалась, потому что и на борту никого не было.

— Гондола-призрак! — прошептал Панталоне.

Глава десятая,

*в которой синьор Панталоне
отправляется в необыкновенное путешествие
и составляет завещание*

Первое, что пришло ему в голову, — сын халифа всё ещё, много дней спустя, продолжает кружить по венецианским каналам, держась за борт гондолы, чтобы оставаться незамеченным и не терять силы. В надежде за-получить свои драгоценные цехины он немедленно сошёл с моста и подошёл к краю канала, поджидая, когда гондола с ним поравняется.

И действительно, за кормой судёнышка показалась голова. Потом — ещё одна. За стенку канала ухватились четыре руки.

— Помогите! — закричал Панталоне, отступая от края.

Но было поздно.

Когда Коломбина высунулась из окошка, она схватилась за голову от ужаса. И было от чего: перед её глазами в канале барахтались три

человека. Двоих из них она признала сразу: это был её достопочтенный хозяин Панталоне дей Бизоньози и Арлекин, старавшиеся поочередно утопить друг дружку. Третий был неизвестен Коломбине, но внимательный читатель, конечно, нимало не затруднится назвать имя худящего молодого человека, который одной рукой вцепился в Панталоне, а другой — продолжал спокойно подносить ко рту огромную булку.

— Хлебожуй! — воскликнет читатель, вскакивая с кресла.

Ну конечно, это он, наш старый знакомец — юнга со «Святого Марка». И, надо сказать, несмотря на юные лета, захват у него был нешуточный. Панталоне вопил и плевался водой как фонтанчик.

— Паршивец, отпусти мне руку! Бульк...

(Панталоне сделал здоровенный глоток.)

— Помогите! Бульк... Бульк... — (ещё один глоток). — Убивают!

Коломбина заметила, что её хозяин с каждым разом кричал всё слабее, а глотал всё больше, и немедленно принялась кричать сама:

— На помощь! Моего хозяина убивают! Панталоне тонет!

Ни одно окошко не открылось. Есть такие дома, в которых предпочитают делать вид, что ничего не слышат.

— Не беспокойтесь, синьорина, — прокричал Хлебожуй, управившись с последним куском булки. — Никто вашему хозяину ничего дурного не сделает. Наоборот, мы ему добра желаем. Прочтите-ка этот листок и следуйте его указаниям, как рецепту врача.

С этими словами он зашвырнул в окно небольшой свёрток. В нём находился камень, обёрнутый в бумажку. Развернув её, служанка прочитала: «По распоряжению Али Бадалука синьор Панталоне дей Бизоньози удерживается в качестве заложника. Он будет незамедлительно освобождён и отпущен домой после того, как Венецианская республика освободит сына халифа багдадского. Передайте это в Совет Десяти. Мы сами свяжемся с вами для ответа».

Прочитав это послание, Коломбина снова высунулась в окно, но глядеть там было больше особо не на что. Панатлоне лишился чувств (но всё равно продолжал держать над водой кошель, чтобы не подмочить свои цехины), а Арлекин и Хлебожуй затаскивали его в гондолу. Покончив с этим, Хлебожуй немедленно отправил

в рот очередной кус, а Арлекин поспешно схватился за весло, и гондола быстро удалилась.

На следующий день наши герои снова соединились на борту «Святого Марка». Надо сказать, что слово «соединились» в данном случае — не фигура речи: Али Бадалук незамедлительно сковал их вместе за запястья и щиколотки и, в ожидании ответа Яснейшей республики, запер в каюте Тартальи.

Легко представить себе восторг Панталоне, оказавшегося лицом к лицу со своим дорогим племянником.

— Неблагодарный! — воскликнул старый скряга с неподдельной обидой в голосе. — Что, хорошо тебе здесь, как сельди в бочке? Будешь знать, как из дому убежать! Подумать только! А ведь я относился к тебе, как к родному сыну!

— В смысле — лупил, как родного сына? — съязвил Линдоро.

— Мало, мало я тебя лупил. Но ничего, сейчас ты у меня получишь такой удар, от которого у тебя дыхание перехватит. Я тебя наследства лишу. Эй, дайте-ка мне перо, бумагу и сургуч. Я хочу завещание составить.

Хлебожуй немедленно протянул Панталоне всё требуемое. Более того, он уселся за столик, всем своим видом выражая усердие.

— Прикажете написать? — спросил он.

— Молодец, ценю. Наконец-то я вижу молодого человека, который знает, как себя вести. Пиши-пиши, я в долгу не останусь. Как тебя зовут?

— Хлебожуй, к вашим услугам!

— Вот и хорошо. Пиши же: «Я, Панталоне дей Бизоньози, венецианский кавалер*, оказавшись в руках у пиратов и предвидя неминуемую смерть, доброму юноше Хлебужую, исполненному многими достоинствами, в знак своей приязни оставляю...»

— «...оставляю». Готово. Продолжайте, прошу вас. Так что вы мне оставляете?

— Оставляю... Оставляю... Дай-ка подумать. Я бы мог тебе оставить свои деньги, но боюсь, они введут тебя в искушение и ты пустишься во все тяжкие. Лучше оставить тебе недвижимую монету. Так вот, я оставлю тебе... Нет-нет, дом не могу оставить! Придётся платить налоги, содержать прислугу. Это будет для тебя головная боль.

* Едва ли Панталоне был настоящим «кавалером», то есть дворянином; но в торговой республике, каковой была Венеция, богатый купец и впрямь не уступал по значению и влиянию потомку рыцарей. Так что Панталоне если и бахвалится, то лишь самую малость.

Ага, придумал! Пиши: «оставляю гондолу, которую у меня украли».

Дружный хохот покрыл слова старого скряги. Тот пожал плечами и повернулся к своим сокамерникам спиной.

Глава одиннадцатая,

в которой сын халифа оказывается оскорблён

Коломбине пришлось не раз и не два повторить свою историю, прежде чем её (с её историей) пропустили к коменданту Пьомби.

Которому, несмотря на то что стояла глубокая ночь, никак не удавалось заснуть. Его терзали ужасные сомнения. Как помнит читатель, никто из его подчинённых так и не решился доложить ему о побеге Пульчинеллы. Опасаясь гнева коменданта, они один за другим сказывались больными, самовольно покидали службу, прикидывались мёртвыми или похищенными пиратами.

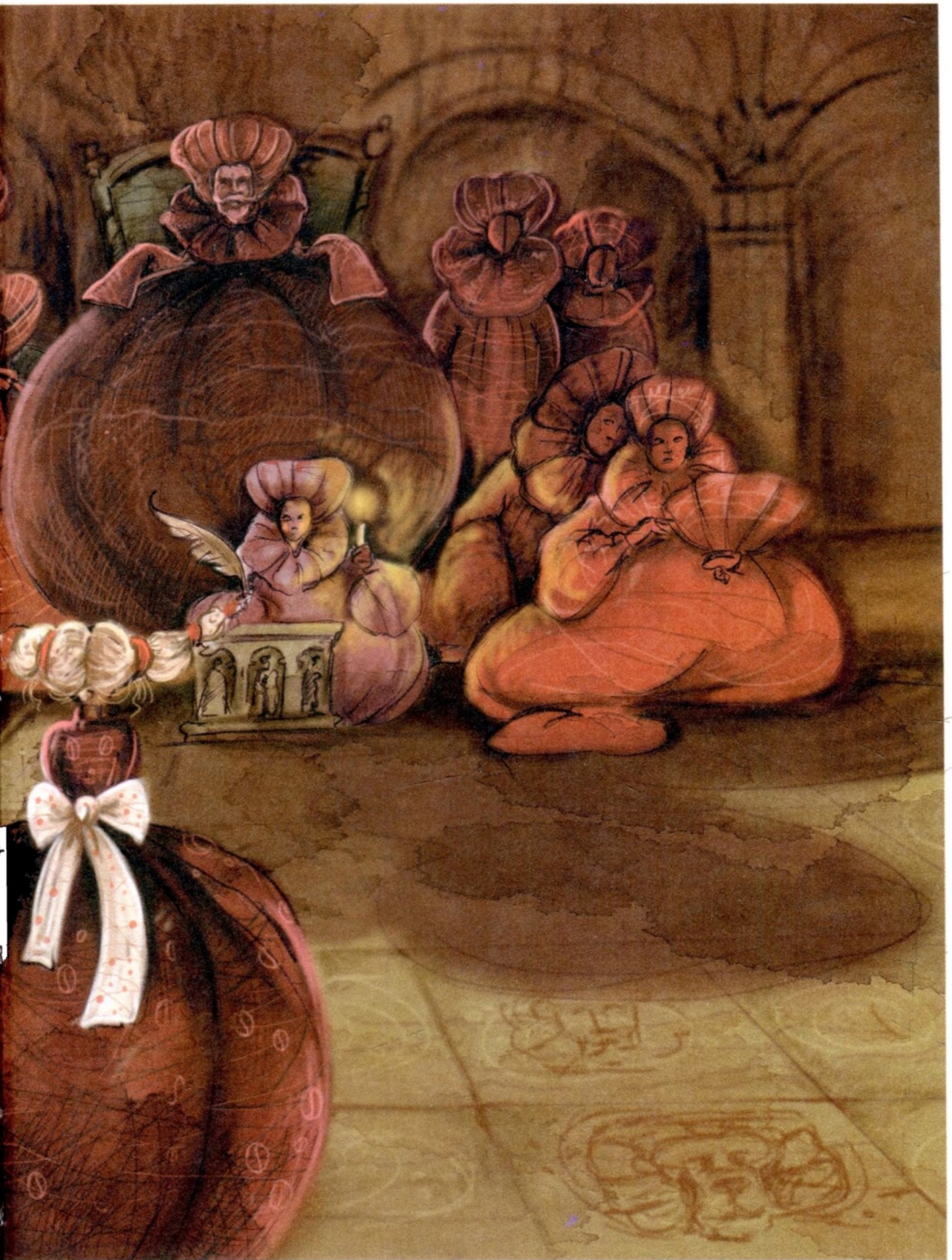
У несчастного коменданта осталось в наличии лишь двое подчинённых — бедолаг, которым просто некуда было податься. Мало того, побег Пульчинеллы оказался для них настоящим подарком судьбы. Дважды в день с тюремной кухни сбежавшему арестанту

по-прежнему присылали тарелку супа, которую тюремщики по-братски делили между собой вдобавок к собственной трапезе и, таким образом, впервые в жизни ели досыта.

Сомнения, терзавшие коменданта, произнеси он их вслух, звучали бы так: «Не сглазил ли кто-то мою тюрьму? На моих людей обрушивается одно несчастье за другим. Может быть, скоро настанет и мой черёд попасть в лапы разбойников или загнуться от холеры? Нет, без сглаза здесь явно не обошлось. Надо принять меры».

Вэтом самый момент ему доложили, что какая-то женщина желает видеть его по неотложному делу.

Комендант снял наусники (которые всегда надевал на ночь, чтобы усы оставались прямыми и ровными), нацепил на лысую голову парик и вышел к неожиданной посетительнице, от которой узнал ужасные и действительно важные новости.

Панталоне справедливо считался одним из богатейших купцов города. Его похищение — безусловно, веский довод оповестить Совет Десяти. О чём комендант немедленно и распорядился, попросив Коломбину подождать в его кабинете. А пока посыльный нёсся из Пьомби во Дворец Дожей*, решил самолично навестить сиятельного узника, о котором шла речь в пиратском послании. И лишь тогда обратил внимание на отсутствие Пульчинеллы.

— А эта камера разве не для двоих предназначена? — вежливо осведомился комендант у сопровождавшего его тюремщика.

— Так точно, ваш-сиясь! — выпалил тот. — Но второй заключённый, неаполитанский воришка Пульчинелла, временно помещён в лазарет. Холера с ним приключилась.

* Путь недалек: эти здания расположены рядом, по разные стороны одного канала, и соединены между собой Мостом Вздохов.

«И он тоже!», — с ужасом подумал комендант и суеверно потрогал железный ключ, чтобы отвести несчастье.

Тюремщик заготовил такой ответ давным-давно. Потому что хорошо понимал: стоит только начальнику тюрьмы слышать про холеру, как он немедленно выкинет из головы само существование Пульчинеллы.

И действительно, комендант как раз думал: «Довольно с меня этого Пульчинеллы. От одного его имени у меня озноб начинается. Подцепил холеру? Вот и хорошо, пусть убирается на тот свет как можно скорее».

Сын халифа, проснувшись и обнаружив присутствие высокого гостя, немедленно встал с лежанки, три раза поклонился и произнёс:

— Прошу прощения за то, что не могу оказать приём, достойный вашего превосходительства. Дома мне достаточно было хлопнуть в ладоши, чтобы явились двадцать прекраснейших баядерок, готовых украшать пением и танцами всё время вашего визита. Здесь же на хлопок моих ладоней смогут явиться только мыши. Не знаю, доставит ли удовольствие их вид вашему превосходительству...

Комендант поспешил заверить, что приглашать мышей нет необходимости, так как он

с детства питает к ним особое отвращение. Мустафа в ответ горячо вступился за этих зверушек, которых за время пребывания в Пьомби он успел искренне полюбить. Комendanту не сразу удалось вклиниться в его горячую речь для того, чтобы попросить следовать за собой в Совет Десяти, где должно состояться важное совещание.

Мустафа охотно согласился.

Потом терпеливо дождался, когда тюремщик раскуёт его кандалы, быстро причесался, ополоснул ноги и, наконец, провозгласил:

— Я готов!

Десять членов Высшего совета Венеции* молча восседали в огромной зале, скудно освещённой единственной свечой. Перед ними стояла Коломбина.

— Кто вы? — повернулся председатель совета к вновь вошедшему.

— Мохаммед
Мустафа Али Паша
Моссул Мосал бен
Юсуф...

Прошло добрых
пять минут, прежде
чем сын халифа

* Система власти в Венецианской республике отличалась большой сложностью и продуманностью. Совет Десяти был своего рода постоянно действующим президиумом Высшего совета и вместе с дожем осуществлял исполнительную власть в Республике.

закончил перечислять все свои родовые имена, вплоть до самого Магомета, к которому возводил свой славный род. Тщетно комендант пытался прервать его два или три раза, говоря с улыбкой, что уважаемые члены Совета уже уяснили, кто́ перед ними. Мустафа не выказывал никакого возмущения тем, что его прервали, а потом спокойно продолжал своё перечисление. Кое-кто из членов Совета успел даже вздремнуть (ничего удивительного, если принять во внимание время, в которое был созван Совет). Когда же, наконец, «удостоверение личности» узника было оглашено по всей форме, председатель Совета Десяти изложил суть дела: пират Али Бадалук предлагает обменять заложников — почтенного Панталоне дей Бизоньози на светлейшего Мохамеда Мустафу Али Пашу Мосула и т.д. и т.д.

— Как вы сказали? — немедленно вмешался царевич. — Итэдэ Итэдэ? Я никогда не носил такого имени. Прошу ваше высокопревосходительство быть внимательнее.

И 'бедному высокопревосходительству пришлось от начала до конца повторить всю скороговорку имён. Члены же Совета возымели возможность ещё раз вздремнуть.

После чего сын халифа прочистил горло, сложил руки на груди, поднял голову и изрёк:

— Я ценю свободу. Но никогда не снизойду до того, чтобы быть обменённым на какого-то купчишку. Так-то вы меня цените?! Да один мой мизинец стоит тысячи ваших Панталоне!

— Но ведь в этом случае только мы остаёмся внакладе, меняя, так сказать, драгоценный камень на булыжник. А ваша светлость ничего не теряет.

— Зато веками будет лететь из уст в уста, что сына халифа багдадского уравнили с каким-то Панталоне! Я навсегда буду обеспечён. Нет, я не могу этого допустить.

— Итак, вы предпочитается оставаться в заключении?

— Вот именно!

— Ну и фрукт!.. — проворчал кто-то из членов Совета.

— Фрукт?! Меня так ещё никто никогда не называл. Требую занести в протокол и требую взять эти слова назад.

Чтобы не усугублять напряжение, слова были незамедлительно взяты назад. Но лицо Мустафы продолжало оставаться угрюмым. Тщетно Коломбина умоляла его согласиться на обмен

из жалости к её хозяину, Панталоне. Напрасно ему обещали выдать бумагу с подписями и печатями, в которой провозглашалось бы, что Венецианская республика дарует свободу сыну халифа исключительно в знак уважения к его неисчислимым добродетелям и благородному обхождению, а об обмене на Панталоне, не стоящего ногтя на его мизинце, не шло бы и речи.

Однако делать было нечего, гордого пленника отправили обратно в камеру, где он остаток ночи ходил взад-вперёд, трепеща от возмущения (комендант наблюдал за ним в глазок), а Совет Десяти счёл за благо отправиться спать и собраться вечером следующего дня, чтобы выработать подходящее решение.

Когда Али Бадалук узнал от своего тайного осведомителя, что обмен сына халифа на Панталоне провалился, он велел привести к себе Арлекина и завёл с ним такой разговор:

— Я не хочу раскаиваться в том, что дал увлечь себя твоим планом похитить Панталоне. Не хочу раскаиваться, что не велел сразу отрубить голову тебе и твоим дружкам. Не хочу раскаиваться, что...

— Ну, так не кайтесь, и дело с концом, — прервал его Арлекин. — И тогда вам

не придётся посыпать пеплом голову и всякое такое.

— Молчи! Если я решил покаяться — значит, буду каяться. А нести моё покаяние будешь ты. Но всё равно у меня сердце не на месте...

— Не на месте? А где же оно? В животе или, может, в пятке?

— погоди, дай мне договорить, а потом уже будешь острить, если захочешь. Так вот, у меня сердце не на месте, пока Совет Десяти не принял никакого решения. Это несправедливо — идея была твоя, а сердце не на месте у меня. Так что подвешу-ка я тебя к мачте, покуда Совет Десяти не выдаст мне сына халифа. Там тебе самое место!

— О нет! Я страдаю головокружениями, сиреньор пират!

— А-а-а, голова кружится? Бедняжка! Хочешь, вверх ногами подвешу, чтобы меньше кружилась?

Арлекин тут же перестал возмущаться. И уже через десять минут качался под самой высокой реей «Султановой бороды» на канате, пропущенном у него под мышками, — к вящему изумлению чаек и альбатросов, круживших вокруг мачты, как ласточки вокруг колокольни.

Прочие пленники были доставлены на палубу полюбоваться зрелищем.

— Это только начало, — процедил Бадалук. — Если сын моего владыки и повелителя не будет освобождён, все вы будете подвешены на рее. И не под мышки, а за шею!

Глава двенадцатая,

в которой Арлекин и Пульчинелла поют дуэтом

К вечеру разразилась ужасная гроза. Молнии метили в Арлекина как в мишень, и бедняге приходилось беспрестанно дрыгаться и выкручиваться в воздухе, чтобы не попасть под удар.

«Если меня не снимут сию секунду, — проносилось при этом у него в голове, — вместо меня придётся спускать вниз обгорелую головешку».

Дождь со всех сторон яростно хлестал и поливал подвешенного. Сначала капли били ему прямо в голову, потом ветер стал закидывать косые струи в левый бок и в правый.

«Хороший душ, нечего сказать, — меланхолически размышлял он. — Теперь хоть год могу не мыться и всё равно чистым останусь».

Когда гроза стихла, Али Бадалук поднялся на мостик.

— Ты ещё здесь? А я думал, тебя давно молнии испепелили.

— Ежели хотите увидеть мои уголёчки, нечего меня в дождик вывешивать, — бойко ответил Арлекин (хотя голос его был едва слышен). — Я тут уже стал привыкать к высоте. Свежий воздух всегда на пользу, знаете ли.

Али Бадалук разрешил остальным пленникам покормить своего товарища. Для чего даже согласился расковать Хлебожуя и Пульчинеллу. Тот взобрался по грот-мачте с фляжкой вина под мышкой.

— Вода снаружи, вино внутри, — заметил Пульчинелла, протягивая фляжку Арлекину.

Тот благодарно припал к ней и долго не отрывался, пока не почувствовал, как силы к нему возвращаются. И не просто возвращаются, а прямо-таки ударяют в голову.

— Пульчинелла, — неожиданно обратился он к товарищу, — а не спеть ли нам?

— А почему бы и нет? Жаль только, у меня нет с собой гитары...

— Ничего, обойдёмся без неё! Запевай!

И Пульчинелла запел:

*Взгляни на Арлекина:
прекрасная картина,
повешен он на мачте,
как новый медальон.*

*Но он не унывает
и весело глотает
из преогромной фляжки
ядрёный самогон!*

*А с ним уселся смело
на мачту Пульчинелла,
не отстаёт от друга —
отличный компаньон!*

Они могли бы распевать в таком духе без конца, если бы не громкий крик, неожиданно прервавший их:

— Тревога! Тревога!

— Что, что такое? — спросил Арлекин, целясь при этом пустой фляжкой в кричавшего на палубе пирата. — На горизонте кит?

— Есть! — выкрикнул Пульчинелла, увидев, что фляжка шмякнулась точнёхонько на макушку пирата, который, однако, этого

даже не заметил, а продолжал носиться туда-сюда и вопить:

— Тревога! Капитан Тарталья сбежал!

— Как сбежал?! — рыкнул Али Бадалук. — Как он мог сбежать, если все пленники скованы железной цепью?

— Да он просто факир какой-то! — разве-селся Арлекин. — Видали таких в праздник на рыночной площади? Его хоть всего обвяжи верёвками, как болонскую колбасу, ан не успеешь сосчитать до трёх, как он уже свободен как птичка. Ай да капитан! Пульчинелла, куплет в честь капитана!

*Споём про капитана,
в речах его заторы,
зато без разговора
сбежал из плена он!*

Глава тринадцатая,

*в которой объясняется, что свобода на плоту лучше
плена на двух судах*

Через два дня Совет Десяти отослал нарочного к Али Бадалуку, чтобы сообщить ему, что Яснейшая республика была бы рада даровать свободу сыну халифа в обмен на возвращение в родной город Панталоне, но осуществить такой обмен решительно невозможно.

«Вообразите себе, достопочтенный пират, что высокородный пленник соглашается быть обменённым только на колокольню Святого Марка! Его предложение в точности заключается в следующем:

Вы забираете вышеупомянутую колокольню.

После его освобождения Вы возвращаете колокольню со всеми её колоколами.

Можете сами судить об осуществимости подобного обмена — ведь колокольню невозможно сдвинуть с места! Нам остаётся только

с сожалением прервать переговоры и ждать от Вас нового предложения. Примите уверения в нашей совершённой преданности и прочее».

Первое, что сделал Али Бадалук, получив это послание, — приказал спустить Арлекина с его верёвочных качелей на верхушке мачты и зачитал ему письмо Совета Десяти.

— Ну, читай отходную молитву, — сказал он потом. — План полностью провалился. И теперь мне ничто не мешает отрубить тебе голову.

Арлекин в ответ скорчил грустную физиономию.

— Вы себе просто не представляете, до чего мне жаль вашего палача. Он себе весь топор зазубрит о мою крепкую голову!

— Ничего, у нас на борту точильный камень имеется, — утешил его Омар Бакук.

— Нет-нет, вы меня не поняли. Я не за себя переживаю, а за капитана Али.

— Очень благородно с твоей стороны переживать за меня в такую минуту, — незамедлительно отозвался Бадалук. — Ты боишься, что без твоей головы мне будет слишком одиноко? Но не забудь, что моя собственная никуда при этом не денется.

— Ах, не говорите так, добрый капитан. Что меня удручает — так это проруха вашей чести, которая останется на века.

— Что-о-о? Какая ещё проруха?

— Судите сами, — с жаром принялся объяснять Арлекин. — Вы торжественно обещали, что освободите меня, если Яснейшая республика примет моё предложение устроить обмен. И она его приняла! Это *вы* его не принимаете! Вы или ваш владыка и господин, сын вашего государя. И вы, вместо того, чтобы склониться перед его желанием погостить ещё некоторое время в венецианской Пьомби, объявляете во всеуслышание о своём желании дать моей голове скатиться на палубу вашего судна? Думаете, халиф вас по головке погладит за подобное самоуправство?

Али Бадалук молчал.

Омар Бакук взялся двумя руками за нижнюю челюсть и только так смог закрыть рот.

— Это верно, вопросы нужно рассматривать со всех сторон, прежде чем принимать решение, — выдавил из себя, наконец, пират. — И в твоих словах есть немалая толика правды. Но вот тебе ещё одна сторона вопроса: я смертельно устал стоять здесь и слушать твои разглагольствования. Ты чешешь как сотня

адвокатов, пришитых один к другому. Я решил оставить твою голову на твоей шее, но посажу вас всех — тебя с головой и шеей — на плот, спущу в море и отправлю навстречу вашей участи. Надеюсь, она явится вам в виде целого выводка голодных акул.

Арлекин готов был запеть от радости. Но быстро сообразил, что лучше ему показать, как он ужасно расстроен и подавлен, — надо же было и бедного Али Бадалука немного утешить. Так что Арлекин принялся тереть глаза, пока не выдавил из них две слезинки, которые и воробья бы не спасли от жажды, бросился на колени, стонал и стенал. Всё оказалось бесполезно (как, впрочем, Арлекин и надеялся). Рыба не успела бы моргнуть глазом, как деревянный плот оказался сколочен и спущен на воду между «Святым Марком» и «Султановой бородой». На него бросили верёвочную лестницу, Арлекин спустился на плотик, лить немедленно перерезали, и немудрёное плавсредство стало быстро удаляться от сцепленных судов, подгоняемое вновь усилившимся ветром.

Ноги Арлекина так и норовили пуститься в пляс от радости, но их хозяин строго велел им стоять спокойно, сам же при этом

продолжал грустно помахивать белым платочком в знак прощания. А вот Али Бадалуку не было нужды скрывать свою радость. Надо было сказать, что этот странный человек чувствовал себя счастливым только тогда, когда причинял кому-то горе. Так что если бы он догадался, что Арлекин не так уж и страдает, как хочет изобразить, то немедленно распорядился бы доставить его обратно и снова подвесить к грот-мачте.

Пираты, видя счастливое выражение на лице своего главаря, тоже принялись перешучиваться и весело выкрикивать ругательства в адрес Арлекина. Да так увлеклись, что не услышали, как в море плюхнулось ещё одно тело. Это был Пульчинелла. Он бочком-бочком подошёл поближе к борту, якобы для того, чтобы поплакать спокойно, а там, убедившись, что за ним никто не наблюдает, перемахнул через леера*, рассудив про себя: «Лучше свобода на плоту, чем плен на двух судах!»

Очутившись в море, он быстро доплыл до плотика, и, высунув из воды только нос и рот, позвал:

— Арлекин!

* Тросы, натянутые вдоль бортов судна.

— Ах ты господи! Вот так акула! — всполошился тот.

— Какая акула? — прошипел Пульчинелла, отплёвываясь от солёной воды, заливающей ему рот.

— Вот-вот, — подхватил Арлекин, тревожно озираясь по сторонам. — Говорящая акула. Такие мне ещё не попадались...

— Это же я, Пульчинелла!

— Да вижу я! Держись. Сейчас мы отплывём подальше, и я помогу тебе взобраться.

— Я сразу заметил, что тебе больше хочется смеяться, чем плакать.

— Всё-то вы, неаполитанцы, примечаете.

Через какое-то время Пульчинелла оказался на плоту уже целиком и возобновил разговор:

— Ты ведь не намерен возвращаться в Венецию?

— Именно это я и намерен сделать. Жить не могу без нежных запахов каналов.

— А я без Везувия жить не могу...

— Эй, ты не забыл, кто здесь капитан? То-то! А сам ты знаешь кто? Просто заяц! Знаешь, что делает капитан, когда обнаруживает зайца на корабле? За шкирку да за борт!

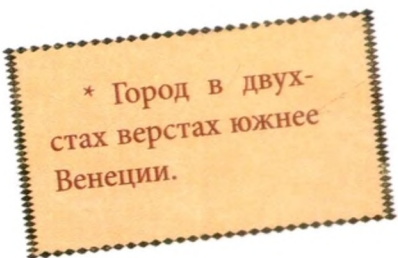
— Но ведь я уже здесь, — философски заметил Пульчинелла.

— И то верно, — согласился Арлекин. — Я вообще не понимаю, чего мы ругаемся, у нас нет ни руля, ни вёсел, ни паруса, плот плывёт, куда ему заблагорассудится...

— Ах, хоть бы в Неаполь, — прошептал Пульчинелла, вытягиваясь вдоль борта.

— Это уж как ветер распорядится.

Ветер распорядился через несколько часов пристать в Римини*.

* Город в двухстах верстах южнее Венеции.

Глава

четырнадцатая,

*в которой капитан Тарталья блистает
красноречием*

Высадившись со своего плота на берег, друзья напрямик отправились в ближайший прибрежный кабачок — питая вполне законное желание умыться и просушиться. Море так вымочило их снаружи солёной водой, что они чувствовали себя просто обязанными умыться и изнутри, иными словами — опрокинуть известное число стаканчиков.

— Это лучший способ просохнуть, — уверенным тоном заявил Пульчинелла. — Достаточно смочить глотку и желудок надлежащим образом, как внутреннее тепло начнёт искать выход через тело и одежду, и вот ты уже сухой.

Научный подход возымел полный успех, вокруг спасшихся мореплавателей сгустилось целое облачко водяных испарений, а вокруг

него — прочие посетители, забрасывавшие учёных экспериментаторов ворохом вопросов. Пульчинелла отвечал спокойно и рассудительно:

— Откуда мы прибыли? Судари мои, ответ на этот вопрос потребовал бы слишком много времени. Мы совершили кругосветное путешествие, чтобы убедиться, что Земля остаётся такой же круглой, как и во времена Христофора Колумба.

— И что же вы выяснили? — спросил какой-то морячок.

— Ужасную вещь! Видели, как полная Луна превращается в полумесяц? Так вот, Земля превращается в полуземлю. Она истончается, как серп.

— И куда же девается вторая половина?

— Ах, судари мои... А куда, по-вашему, девается вторая половина Луны?

— А это не опасно для нас?

— Боюсь что опасно. Когда Земля станет совсем огрызком, как долька лимона, на ней будет трудно удержаться.

— Разве что, — встрял Арлекин, — разве что окажется, что Земля сейчас в стадии роста. Тогда всё в порядке. Тогда она скоро станет полной.

Разгорелся горячий спор — одни моряки уверяли, что Земля растёт, другие отстаивали прямо противоположную точку зрения. Неизвестно, куда завела бы эта учёная полемика, но в этот момент от порога раздался голос, перекрывший все остальные:

— Чтоб меня все аку... аку-аку... акулы Адриатики разодрали! Арлекин и Пульчинелла!

Капитан Тарталья прогромыхал внутрь залы и сграбастал наших героев в объятия, горячо стиснув их и прижав к себе. Он был так взволнован, что совсем позабыл о своём обыкновении заикаться и запинаться.

— Ребятки вы мои, наконец-то я вас нашёл! Я очень боялся,

что Али Бадалук накажет кого-то из вас в отместку за мой побег. Ну, рассказывайте, как там остальные?

Друзья принялись рассказывать.

Узнав, что план обмена пленниками провалился, Арлекина отправили в открытое море на плотике, а Пульчинелла последовал за ним по собственной воле, бедный Тарталья отчаянно зарыдал. Да какое там «зарыдал»! Это была настоящая буря, с громами и ливнем. Только молний не хватало.

— Не видать мне больше моего «Святого Марка»! Это было лучшее судно во всей Адриатике... разве что говорить не умело.

— Да уж... — поддакнул Пульчинелла с сокрушённым видом. — Едва ли ещё когда «Святому Марку» суждено бросить якорь в венецианской лагуне... Да что уж теперь переживать. Новое судно себе купите, ещё лучше прежнего.

— Ничего-то вы не понимаете, — вздохнул капитан. — Я разорён. Это судно и было всем моим достоянием. Нет у меня больше ни гроша. Да что там ни гроша — ни полушки! Придётся мне милостыню просить, деткам на пропитание.

— Отличное занятие, — одобрил Пульчинелла. — Я вам дам несколько полезных

советов, у меня большой деловой опыт. Прежде всего заведите собаку. Нищий без собаки — это всё равно, что писатель без пера. Собака будет хватать за платье прохожих, которые делают вид, что вас не замечают...

— Полно, Пульчинелла, — прервал его Арлекин. — Нашему капитану не понадобится просить милостыню. Мы вернём его судно.

— Ну, разумеется. А ещё — засадим Али Бадалука в клетку и будем показывать на ярмарках, по сольдо за билет...

— Мой план возвращения «Святого Марка» очень прост.

— И каков же он?! — нетерпеливо воскликнул капитан.

В глазах его затеплилась надежда.

— Нам надо любой ценой добраться до сына халифа. Выкрасть его силой из Пьомби и передать Али Бадалуку. В обмен он вернёт нам корабль и, возможно, освободит пленников.

— Слышать больше не желаю о сыне халифа! — взвизгнул Пульчинелла. — У меня от него одни несчастья.

— Но это и впрямь дельное предложение! — пробасил Тарталья. — И возможно, нам даже силу применять не понадобится. Едва сын халифа узнает, что мы хотим обменять его не

на какого-то купчишку, а на самое прекрасное судно Средиземноморья, будет польщён и охотно согласится. Да что там, он сам вернёт мне «Святого Марка»!

Фантазия капитана Тарталья неслась и дальше на всех парусах, Арлекин слушал его, но не упустил из виду, что Пульчинелла бочком пробирается к выходу.

— Куда это ты?

— Взгляну, как там погода.

— Нам не нужна хорошая погода, чтобы добраться до Венеции и освободить сына халифа.

— Что?! В Венецию? Мне доктор запретил приближаться к лагуне. У меня от сырости ревматизм начинается.

— Мы сможем обмануть стражу, только если будем втроём, — невозмутимо продолжал Арлекин. — И вообще, без тебя никак не обойтись, потому что ты один знаешь Пьомби изнутри.

Тарталья вдруг снова зарыдал.

— Ах, оставь его, Арлекин, — сказал он сквозь слёзы. — Видишь сам, ему дела нет до моего судна.

И зарыдал ещё пуще. При виде слёз сурового капитана сердце Пульчинеллы начало умягчаться — он не выносил слёз. Недаром он был

неаполитанцем. Этим же вечером Арлекин, Пульчинелла и Тарталья прибыли в Венецию на гондоле рыбака из Кьоджи*.

* Кьоджа — маленький островок и одноименный рыбацкий городок на внешней стороне венецианской лагуны. Через полтора столетия после описываемых событий Гольдони обессмертил его в комедии «Кьоджинские перепалки».

Глава пятнадцатая,

в которой происходит странная встреча

Влиже к ночи Пульчинелла предстал перед очами одного из стражников Пьомби и заявил ему, что желает вернуться в свою камеру — дескать, замучила ностальгия.

— Ради бога, — прошипел в ответ охранник, — уходи отсюда и никогда не возвращайся. Ты от холеры умер!

— Батюшки светы! — запричитал в ответ Пульчинелла. — Как же это со мной такая беда приключилась? А я и не заметил!

— Да вот так! Мы объявили коменданту, что ты умер, чтобы скрыть твоё исчезновение. Так что тут тебе делать нечего — не можешь же ты воскреснуть! Ты свободен как ветер.

— Ну, так дай мне влететь внутрь.

Слово за слово — и охранник, польстившись на щедрую мзду (выданную капитаном Тартальей), согласился провести троих друзей на крышу тюрьмы. Там он указал,

как пробраться в нужную им камеру, и исчез. Но на его месте почти тут же возник другой силуэт. А потом ещё один.

— Кто здесь???

— А ты кто?

Заинтересовавшись содержательной беседой, Луна вышла из-за облака и послала свой лучик осветить сцену. Перед Пульчинеллой и его подельниками стояли ни кто иные, как пират Али Бадалук и его судовой астролог Омар Бакук с помощниками. Которые, со своей стороны, тоже тайком прибыли в Венецию, чтобы захватить сына своего владыки и повелителя. Но, проникнув в камеру, обнаружили, что Мустафа исчез!

— Исчез? Ах, мой корабль! — простонал капитан Тарталья.

Глава

шестнадцатая,

*в которой выясняется, что сын халифа
и впрямь тот ещё фрукт*

Поскольку обе команды освободителей остались с носом, оставим их ненадолго на крыше Пьомби.

Добавим только, что носы у них от неожиданности вытянулись до такой степени, что при каждом неосторожном движении задевали друг друга, и наших героев издали можно было принять за мушкетеров-дуэлянтов. Оставим же их выяснять отношения и займемся сыном халифа. Нос у него короткий, зато имя, как мы теперь знаем, столь длинно, что выписывать его целиком нет никакой возможности. Поэтому мы и впредь будем звать его просто Мустафой и надеяться, что высокородный герой не сильно обидится.

Когда мы встречались с ним в последний раз, он наотрез отказался выходить из тюрьмы иначе как в обмен на что-то равновеликое — например, как мы помним, на колокольню Сан-Марко, что возвышается на одноимённой главной площади Венеции.

Но сиятельный узник оказался столь неудобным гостем, что комендант тюрьмы потерял всякий покой и забыл про ночной сон.

— Коли он не хочет выходить из тюрьмы добровольно, — решил он наконец, — я выставлю его силком.

Сказано — сделано. Такие люди, как начальник главной тюрьмы Яснейшей республики, не откладывают исполнение принятых решений в долгий ящик и не засовывают их в дальнюю камеру. Той же ночью он вызвал отряд сбиров*, выдал им одеяния, отобранные у сидящих в тюрьме разбойников, и повёл в Пьомби. Своим же тюремщикам он сказал, что проводит эксперимент, направленный на усовершенствование охранной системы, и они должны молчать, если не хотят видеть, как их собственные головы скатываются под топором палача. Те рассудили, что после

* Сбирь — тайная полиция Яснейшей республики.

подобной процедуры их головам на собственные шеи будет вернуться трудненько, и молчали не только в эту ночь, но и во все последующие дни.

Мнимые же разбойники, ворвавшись в Пьомби, направились напрямиком к камере Мустафы, самым непочтительным образом связали его по рукам и ногам, погрузили на борт гондолы, вывезли на берег лагуны и пустили по течению.

— Плыви себе с Аллахом, — сказали они напоследок. — И никогда не возвращайся.

— Вы мне за этот ответите! — бушевал уязвлённый Мустафа. — Из-за вас я выгляжу мелким жуликом, который убегает из гостиницы, не оплатив счёта. Что обо мне подумает Венецианская республика??? Я этого так не оставлю!

Пока он ругался и бранился подобным образом, течение, ветры и дельфины, принявшие гондолу за игрушку, любезно предоставленную им Яснейшей республикой и весело толкавшие её лбами, доставили незадачливого сына халифа... Догадайтесь, куда? Ну конечно!

Вечером того же дня брошенная в Адриатике на произвол судьбы гондола упёрлась носом прямоком в рулевое перо* «Султановой бороды», лежавшей в дрейфе вместе с прицепленным к ней «Святым Марком».

Разумеется, пираты мигом втянули на борт гондолу с невольным гондольером. Но дальше начались сплошные неожиданности.

— Аллах всемогущий! — воскликнул один из них, взглядевшись в нового пленника. — Да это же сын халифа!

И все пираты мигом повалились к ногам Мустафы, чтобы облобызать его туфлю. Но обнаружили, к своему смущению, что сделать это невозможно по той простой

* Перо — остающаяся над водой часть руля гребного и парусного судна.

причине, что ноги персидского принца были совершенно босы: в суматохе Мустафа забыл свои туфли в камере.

— Что здесь происходит? Где Али Бадалук? Где Омар Бакук?

— О светлейший, они тайком отправились в Венецию как раз для того, чтобы освободить вас. И операция была назначена как раз на сегодняшний вечер!

— Заставить меня удрать исподтишка, как подлого воришку? Али Бадалук сполна мне заплатит за столь оскорбительное намерение! Но расскажите же мне всё по порядку.

Трепеща от страха, пираты рассказали царевичу всё то, что читатели уже знают из предыдущих глав. И по мере того, как развивался рассказ, по лицу Мустафы разливалась восхитительная улыбка. Глаза его мечтательно замерли на «Святом Марке», который, с убранными парусами, освещённый закатными лучами, казался не столько судном, сколько мечтой, парящей над волнами.

— Вот оно! — воскликнул он наконец, прерывая долгое пиратское повествование. — Вот как я отомщу этим венецианцам. Они выбросили меня из своей тюрьмы? А я верну им это великолепное судно. Просто так, безо всякого

обмена. Пусть покраснеют от такой неслыханной щедрости! Этот корабль стоит больше не только Панталоне дей Бизоньози, но и всех Панталоне этого мира, вместе взятых. Решено! Я предстану перед Венецией и подарю «Святого Марка» его капитану.

— А как же синьор Панталоне? И синьор Линдоро? Они ведь так и сидят в трюме «Святого Марка»...

— Слышать больше о них не желаю. Сидят в трюме? Пусть там и остаются. Как балласт.

— Вы их тоже передадите безо всякого выкупа?

— Разумеется. И я повелеваю немедленно взять курс на Венецию.

Несколькими часами позже, в то время как на крыше Пьомби капитан Тарталья и его друзья всё ещё старались высвободить свои носы из того неприятного положения, в котором они запутались (вместе с носами Али Бадалука и его верного спутника), ночную тишину венецианской лагуны нарушил резкий крик:

— Венецианцы, слушайте! С вами говорит Мустафа, сын Мухаммеда, внук Мухаммеда и правнук Мухаммеда, сын халифа багдадского, внук визиря вавилонского и брат бея ливийского. Комендант Пьомби тяжко оскорбил

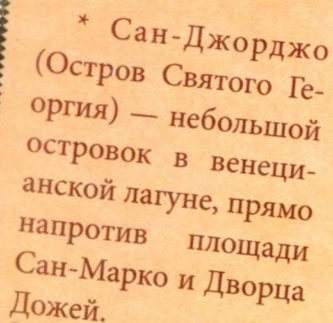
меня сегодня, вышвырнув из тюрьмы безо всякого выкупа. Настал час моей мести. В сей самый момент мои люди ведут ко входу в ваш порт корабль «Святой Марк», ими ранее захваченный. Так вот, я передаю вам это судно и не требую ничего взамен. Стыдитесь и учитесь, как себя вести с людьми, подобными мне!

Капитан Тарталья первым бросился к углу крыши, чтобы выглянуть из-за жёлоба водосточной трубы. Все остальные — Пульчинелла и Али, Арлекин и Омар Бакук — к нему присоединились.

— О Аллах! — вскричал могущественный корсар. — Это же сын халифа в гондоле проплывает! И он свободен как рыба!

— О святой Марк! — вскричал в ответ капитан Тарталья. — Это же моё судно, это «Святой Марк» проходит остров Сан-Джорджо* и приближается к площади Сан-Марко!

В следующее мгновение водосточный жёлоб не выдержал тяжести наших друзей (и наших врагов), и все они одной кучей обрушились в канал — совсем рядом с гондолой, на которой сын халифа продолжал свою громкую речь.

* Сан-Джорджо (Остров Святого Георгия) — небольшой островок в венецианской лагуне, прямо напротив площади Сан-Марко и Дворца Дожей.

В несколько гребков Арлекин, Пульчинелла, Тарталья, Хлебожуй, Али, Омар и другие пираты настигли гондолу и принялись в неё забираться. Отчего та, разумеется, в конце концов перевернулась, и все снова оказались в воде. Все — включая и сына халифа, который первым рассмеялся случившемуся.

И смех его принёс умиротворение. Всем как-то сразу стало ясно, что приключение закончено, и теперь над ним можно посмеяться. Один за другим они присоединялись к этому смеху, и, наконец, этот искренний хохот настолько усилился, что половина Венеции припала к своим окнам насладиться зрелищем, похожим на финал большого и весёлого праздника.

Только один персонаж не разделял общего веселья.

Это был тот самый персонаж, кто считался умершим от холеры, тот самый, кто, оказавшись он снова живым, должен был бы снова вернуться в тюрьму.

Пульчинелла — в тюрьму??? Это был бы слишком печальный конец для нашей истории. Но, по счастью, мы его не увидим. Вместо него мы видим гондолу, удаляющуюся

прочь от набережной, в даль лагуны. На корме не видно гондольера, никто не сидит на вёслах... Что это, снова гондола-призрак?

Ну конечно, это он, Пульчинелла, снова пустившийся в путь. И снова никого не поблагодаривший за обрётённую свободу.

skan Larisa_F

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ, начинающаяся у Моста Вздохов	7
ГЛАВА ВТОРАЯ. «Султанова борода»	17
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой тайна гондолы запутывается еще больше	24
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой Арлекин начинает кое-что понимать	28
ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой «Святой Марк» поднимает паруса	37
ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой Омар Бакук рискует лишиться еще одного пальца	42
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой, наконец, подает голос персонаж из сундука	46
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой Пульчинелла до известной степени распутывает узлы	53
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой снова появляется призрачная гондола	61
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой синьор Панталоне отправляется в необыкновенное путешествие и составляет завещание	69
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой сын халифа оказывается оскорблен	77
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой Арлекин и Пульчинелла поют дуэтом	88
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой объясняется, что свобода на плоту лучше плена на двух судах	93
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой капитан Тарталья блистает красноречием	101
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой происходит странная встреча	108
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, в которой выясняется, что сын халифа и впрямь тот еще фрукт	110

